

Великие битвы
Великой Отечественной

Сергей Алексеев

МОСКОВСКАЯ БИТВА

1941–1942

Великие битвы Великой Отечественной

Сергей Алексеев

Московская битва. 1941—1942

Издательство «Детская литература»

1975

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Алексеев С. П.

Московская битва. 1941—1942 / С. П. Алексеев — Издательство
«Детская литература», 1975 — (Великие битвы Великой
Отечественной)

ISBN 978-5-08-005359-7

Автор – известный детский писатель, участник Великой Отечественной войны (1941–1945) – рассказывает школьникам о ее главных битвах. Шесть книг серии описывают подвиг нашего народа в освобождении родной страны и Европы от фашистских захватчиков. Первая книга серии посвящена великой Московской битве (1941–1942). Издается к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-005359-7

© Алексеев С. П., 1975
© Издательство «Детская
литература», 1975

Содержание

От автора	8
Московская битва	9
Холм Жирковский	11
Сила	13
Мценск	15
Вязьма	17
Генерал Жуков	20
Московское небо	22
Талалихин	24
Арифметика	26
«Тульские пряники»	28
Красная площадь	30
Генерал Панфилов	33
Подвиг у Дубосекова	35
«Знай наших!»	37
Орлович-Воронович	39
Лишних нет	41
Экзамен	43
Дедушка	45
Лопата	47
Три приятеля с Волхонки	49
Зоя	51
Отдельный танковый батальон	54
Аэростатчик	56
«Айн, цвай, драй!»	58
Ударная	60
Ближе других	62
Пушка	64
Кашира	66
Броня	68
«Напишу из Москвы»	70
Переломилось	72
Ходики	74
Прибыл	77
Дом	79
«Француженка»	81
Сержант-лейтенант	83
Доватор	85
Казаки	87
Наташка	89
Тулупин	91
Скачков	94
Трое	96
Папка	99
Активный отдых	101
Али-Баба	103

Пасть	105
«Какой род войск сражается?»	107

**Великие битвы
Великой Отечественной**

**Сергей Алексеев
Московская битва. 1941–
1942: рассказы для детей**

Сергей Алексеев

***МОСКОВСКАЯ
БИТВА***

1941—1942

Великая Отечественная война 1941–1945

Книги серии:

★ **Московская битва. 1941–1942**

★ Сталинградское сражение. 1942—1943

★ Оборона Севастополя. 1941–1943 Сражение за Кавказ. 1942—1944

★ Подвиг Ленинграда. 1941—1944

★ Победа под Курском. 1943 Изгнание фашистов. 1943—1944

★ Взятие Берлина. Победа! 1945

Художник **А. Лурье**

Оформление серии

Е. Валерьяновой, Т. Яковлевой

От автора

22 июня 1941 года на рассвете войска фашистской Германии вероломно напали на нашу Родину. Фашисты хотели лишить нас свободы, захватить земли и города.

Началась Великая Отечественная война народов нашей страны против фашистских поработителей.

Для нас война началась неудачно. Враги напали неожиданно. Фашисты были сильнее. Лучше вооружены. Лучше обучены. У них было больше пушек, самолетов, танков. Прежде чем напасть на нас, фашистская Германия захватила Австрию, Чехословакию, Польшу, Францию, ряд других государств Европы. Промышленность этих стран стала работать на фашистов.

Под натиском врагов наши армии отступали. Враги рассчитывали расправиться с нами быстро, стремительным ударом. Они даже придумали выражение «блицкриг», то есть молниеносная война. Но фашисты сильно просчитались. Все, как один, поднялись народы нашей страны на защиту своей Родины и свободы.

Война с фашистами длилась четыре года (1941–1945). Нелегким был путь к победе. На просторах страны гремели битвы. Наши войска остановили фашистов. За Волгой, на Урале, в Сибири советские люди построили первоклассные военные заводы, создали новое, совершенное оружие. Советские воины научились умело воевать. Военные командиры – Г. К. Жуков, К. К. Рокоссовский, И. С. Конев и многие другие – четко и умело руководили войсками. Большинство из них стали прославленными маршалами. Советские войска сломили фашистов и погнали их с родной земли. Весной 1945 года наши армии штурмом взяли столицу фашистского государства Берлин и подняли над ним победное знамя.

Прошло 70 лет. По-прежнему мы гордимся нашей великой Победой. С благодарностью вспоминаем всех тех, кто сломил фашистов, – в боях на фронте, трудом в тылу. Низкий поклон героям!

К 70-летию Победы издательство «Детская литература» выпускает серию книг о главных битвах и героях Великой Отечественной войны с фашистами. Автор с первого дня был участником этой войны. Вот названия входящих в серию книг.

Книга первая. «Московская битва» – рассказы о том, как советские войска остановили наступление фашистов на Москву и нанесли им первый сокрушительный удар.

Книга вторая. «Сталинградское сражение». Вы узнаете о героических защитниках города Сталинграда, об окружении и разгроме фашистской армии в Приволжских степях, о взятии в плен 91 тысячи фашистских солдат и фельдмаршала Фридриха Паулюса.

Книга третья. «Оборона Севастополя. Сражение за Кавказ». Рассказы о солдатах, защищавших южные рубежи страны, о героях Севастополя, о разгроме фашистов на Кавказе.

Книга четвертая. «Подвиг Ленинграда». Рассказы о том, как 900 дней и ночей находился Ленинград во вражеской блокаде, как выстоял и победил фашистов.

Книга пятая. «Победа под Курском. Изгнание фашистов». В эту книгу вошли рассказы о грандиозном сражении на западе России, о разгроме фашистов на Украине и в Белоруссии, об окончательном изгнании фашистов с отечественных земель.

Книга шестая. «Взятие Берлина. Победа!» Рассказы о последней битве Великой Отечественной войны и полном разгроме фашистов нашими войсками.

Итак, перед вами первая из шести военных книг – «Московская битва».

Минута, и вы – на полях сражений.

Московская битва 1941–1942

Медаль
«За оборону Москвы»

Осень коснулась полей Подмосковья. Падает первый лист.

30 сентября 1941 года фашистские генералы отдали приказ о наступлении на Москву.

«Тайфун» назвали фашисты план своего наступления. Тайфун – это сильный ветер, стремительный ураган. Ураганом стремились ворваться в Москву фашисты.

Обойти Москву с севера, с юга. Взять советские армии в огромные клещи. Сжать. Раздавить. Уничтожить. Таков у фашистов был план.

Верят фашисты в быстрый успех, в победу. Более миллиона солдат бросили они на Москву. Тысячу семьсот танков, почти тысячу самолетов, много пушек, много другого оружия. Двести фашистских генералов ведут войска. Возглавляют поход два генерал-фельдмаршала.

Началось наступление. Торжествуют фашисты. Ползут вперед «несокрушимые» немецкие танки.

Однако, чем ближе к Москве, тем все сложнее и сложнее фашистам. Встречают всюду врагов заслоны. Как скалы, стоят наши войска. Постепенно стихает напор врагов...

О том, как развивалась грандиозная битва у стен Москвы, как остановили и сокрушили наши солдаты фашистский «Тайфун», как сами перешли в наступление и разгромили под Москвой армии хваленых немецких фельдмаршалов и генералов, вы и узнаете из книги рассказов о великой Московской битве.

Холм Жирковский

Фашистские армии рвались к Москве.

На одном из главных участков фронта немецкие танки двигались на населенный пункт Холм Жирковский.

Подшли к поселку фашисты. Смотрят. Что он танкам – какой-то там Холм Жирковский. Как льву на зубок горошина.

– Форвертс! Вперед! – прокричал офицер. Достал часы. Посмотрел на время: – Десять минут на штурм.

Пошли на Жирковский танки.

Защищали Холм Жирковский 101-я мотострелковая дивизия и 128-я танковая бригада.

Засели в окопах солдаты. Вместе со всеми сидит Унечин. Не лучше других, не хуже. Солдат как солдат. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.

Ползут на окопы танки. Один прямо идет на Унечина. Взял Унечин гранату в руку. Зорко следит за танком. Ближе, ближе фашистский танк.

– Бросай, бросай, – шепчет сосед по окопу.

Выжидает Унечин.

– Бросай же, леший тебя возьми! – уже не шепчет – кричит сосед.

Не бросает Унечин. Выждал еще минуту. Вот и рядом фашистский танк. Сосед уже было глаза зажмурил. Приготовился к верной смерти. Однако видит: поднялся Унечин, швырнул гранату.

Споткнулся фашистский танк. Мотором взревел и замер.

Схватил Унечин бутылку с горючей жидкостью. Вновь размахнулся. Опять швырнул. Вспыхнул танк от горючей смеси. Улыбнулся Унечин, повернулся к соседу, пилотку на лбу поправил.

Кто-то сказал:

– Вот это да, браток! Выходит, дал прикурить фашистам.
Рассмеялись солдаты и снова в бой.
Слева и справа идет сражение. Не пропускают герои танки.
Новую вынул солдат гранату. Бутылку достал со смесью. Рядом поставил гранату и жидкость. Ждет.
Новый танк громыхнул металлом. И этот идет на Унечина. Кто-то опять сказал:
– Зверь на ловца бежит.
Выждал Унечин минуту, вторую, третью...
«Бросай же, бросай!» – снова крикнуть хотел сосед. Однако губы зажал, сдержался.
Еще минута – и вновь граната кошкой под танк метнулась. А следом бутылка с горючей смесью. Вспыхнул и этот танк.
Улыбнулся Унечин. Пилотку на лбу поправил. Третью достал гранату. Вынул бутылку с горючей смесью. Рядом ее поставил.
Слева и справа грохочет бой. Не пропускают герои танки.
Десять минут прошло... тридцать минут прошло... Час продолжается бой, два – не стихает схватка. Смотрят с тревогой на часы фашистские офицеры. Давно уже нужно пройти Жирковский. Застряли они в Жирковском.
Более суток держались советские бойцы под Холмом Жирковским. Подбили и подожгли 59 фашистских танков. Четыре из них уничтожил солдат Унечин.
К исходу суток пришел приказ на новый рубеж отойти солдатам. Меняют бойцы позиции. Вместе со всеми идет Унечин. Солдат как солдат. Не лучше других, не хуже. Пилотка. Винтовка. Противогаз. На ногах сапоги кирзовые.
Идут солдаты. Поднялись на бугор, на высокое место. Как на ладони перед ними лежит Холм Жирковский. Смотрят солдаты – батюшка свет! – все поле в подбитых танках: земли и металла сплошное месиво.
Кто-то сказал:
– Жарко врагам досталось. Жарко. Попомнят фашисты наш Холм Жирковский.
– Не Жирковский, считай, Жарковский, – кто-то другой поправил.
Посмотрели солдаты опять на поле:
– Конечно же Холм Жарковский!
Слева, справа идут бои. Всюду для фашистов Холмы Жарковские.

Сила

Наступают фашисты. С юга идут на Брянск, на Орел. С севера движутся к Калинин. Идут на Вязьму, Калугу, Юхнов.

Город Юхнов. Река Угра. Здесь, на Угре, под Юхновом, обороняли солдаты мост. Вышли к мосту фашисты. Танки столпились. Сгрудилась артиллерия. Пехота забила весь правый берег. Необходима для войск переправа. Нужен фашистам мост.

Смотрят солдаты на фашистские пушки, на танки, на правый берег:

– Братцы, сила смотри какая!

Глянешь на эту силу – и вправду, как молот, сила. Мало здесь наших войск. Обороняет мост совсем небольшой отряд, немногим больше стрелковой роты. Защищает мост и солдат Гаркуша.

Молод совсем Гаркуша. Первый бой впереди у солдата. Расположились бойцы в окопах. Обещали солдатам помощь. Ждут защитники свежей силы.

Пошли фашисты на штурм моста. Открыли пулеметный огонь по нашим. Изрешетили весь левый берег. Несутся теперь в атаку. Вот-вот и захватят мост.

Бьются солдаты отважно. Не подпускают к мосту фашистов. И все же понимает Гаркуша: не устоять им без свежей силы. Ожидают бойцы подкрепления.

– Где же помощь? – тревожиться стал Гаркуша. – Не удержим мы левый берег.

И вдруг смотрит солдат – отходят назад фашисты.

Доволен Гаркуша.

– Ура!

Видимо, помощь прибыла.

Только «ура!» прокричал солдат, как открыли фашисты минометный огонь по нашим. Минным градом штурмуют берег. Снова идут в атаку. Вот-вот и захватят мост. Вместе со всеми в бою Гаркуша. Присмотрелся к другим молодой солдат. Грозен в бою Гаркуша.

– А ну, подходи! А ну, подходи! – это фашистам кричит Гаркуша. Винтовка в руках у Гаркуши, как пулемет, стреляет.

Стойко дрались солдаты. Смотрит Гаркуша – отходят фашисты.

Доволен Гаркуша: значит, добавилась к нашим сила, значит, помощь и вправду прибыла.

Ударил по нашему берегу фашистская артиллерия. Вскочили, как плуги, снаряды землю. Вспахали металлом берег.

Снова фашисты в атаку идут на мост. Не сдается упрямый мост. Не пропускают солдаты вперед фашистов. Оживился совсем Гаркуша:

– Ура! Братцы, не трус! Братцы, вперед!

На атаку врагов ответили наши солдаты своей атакой. Вместе с другими бежит Гаркуша. Кончик штыка, как алмаз, сверкает.

Смотрит Гаркуша – отходят фашисты.

Доволен солдат Гаркуша: значит, снова добавилась к нашим сила, значит, вовремя помощь прибыла.

Повернулся Гаркуша назад – посмотреть на героев, на тех, кто прибыл. За спиной у солдата пустое поле. Глянул налево, глянул направо. Не видно нигде пополнения. Все те же кругом бойцы – друзья по героической роте.

– Где же сила? Была же сила! – смотрит солдат на соседа. – Где же оно, пополнение?

Пожимает сосед плечами: о чем, мол, солдат толкует?

Смутился Гаркуша, стоит в удивлении.

Где она, сила? Была же сила! Клянется солдат – была!

Три дня бойцы у Угры держались. Не пропускали вперед фашистов.

Мценск

Отступают наши войска. Отходят. Сильнее враг.

С юга дорогу на Москву пробивает танковая армия под командованием генерала Гейнца Гудериана.

Рвутся, рвутся вперед фашисты. Прорвали фашистские танки советский фронт. Мчатся вперед машины.

Дорога к Москве открыта! Дорога к Москве открыта!

С ходу ворвались фашисты в Орел. Мчатся дальше, спешат на Тулу. Между Орлом и Тулой – Мценск.

К Мценску подходят фашистские танки. Утро. Встал Гейнц Гудериан. Помылся. Побрился. Сел генерал за завтрак.

Гейнц Гудериан генерал заслуженный. В особом почете среди фашистов. Ценят его в Берлине.

«Кто самый примерный у нас генерал?»

«Гейнц Гудериан».

«Кто самый у нас решительный?»

«Гейнц Гудериан».

«Кто знает одни победы?»

«Гейнц Гудериан. Гейнц Гудериан. Гейнц Гудериан!»

Льются к Гудериану рекой награды. Привык генерал к победам, к успехам, к наградам, к почестям. «Быстроногий Гейнц» – называют его в Германии.

Завтракает Гудериан, сидит за столом, рассуждает:

– Сегодня мы будем в Мценске. Завтра мы будем в Плавске. В Плавске, в Плавске... – стал напевать генерал.

Рад генерал успехам.

– Завтра мы будем в Плавске, послезавтра мы будем в Туле. В Туле, в Туле, – сказал Гудериан.

Задумался, что-то в уме прикинул:

– Послезавтра мы будем в Туле. Еще день, еще два...

Позавтракал, собрался, отправился в штаб генерал. Углубился в штабные карты. Смотрит на стрелки, смотрит на даты:

– Еще день, еще два...

И вот уже видит Москву Гудериан.

– Москва, Москва... – стал напевать генерал.

Вдруг вбегает к нему адъютант:

– Танки! Танки, мой генерал!

Не понимает Гейнц Гудериан, почему так кричит адъютант и какие танки.

– Русские танки! – кричит адъютант.

Под городом Мценском дорогу фашистам преградили советские танки.

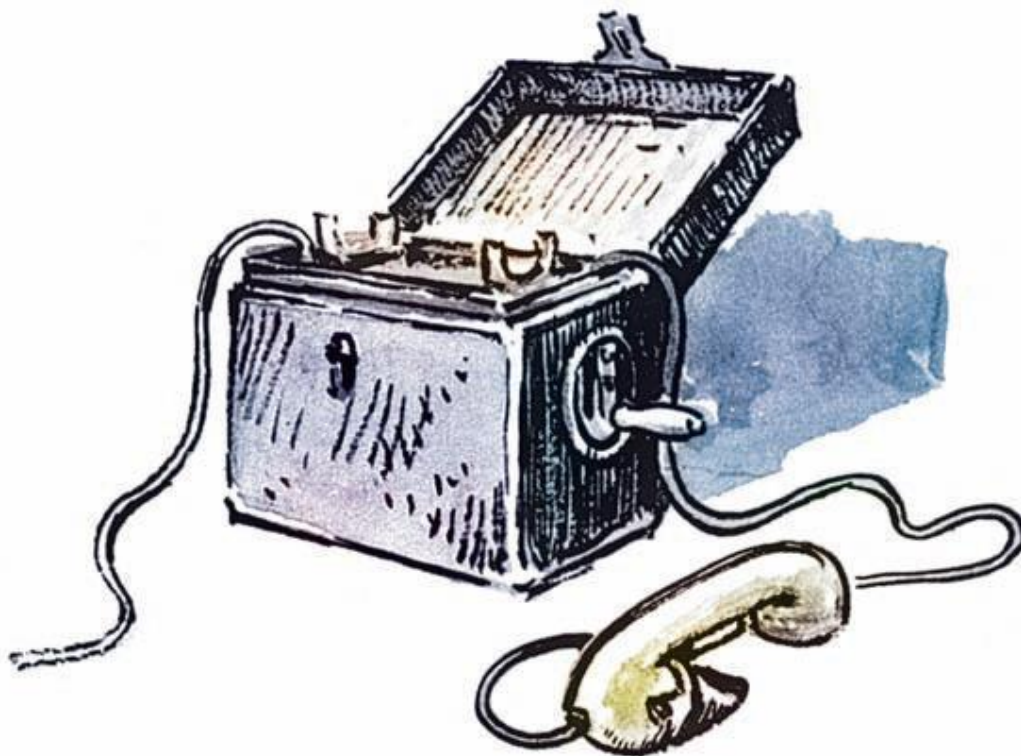
Мало танков советских было. Однако силен удар. Умно поступали танкисты: применяли засады, заслоны, били прямой наводкой, атаковали фашистов в борт – там, где на танках броня слабее. 133 танка потеряли фашисты в боях под Мценском.

Задержались и здесь фашисты. Приводят себя в порядок. Даже комиссия специальная была создана. Изучает комиссия – как это так, почему, чудом каким подбито здесь столько фашистских танков?

Не напевает уже генерал Гудериан. Не поется ему. Нет желания. Нет настроения.

Вязьма

Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы.

Слова из были не выкинешь. Под городом Вязьмой большая группа советских войск попала к врагу в окружение. Довольны фашисты. Сам Гитлер, предводитель фашистов, звонит на фронт:

– Окружены?

– Так точно, наш фюрер, – рапортуют фашистские генералы.

– Сложили оружие?

Молчат генералы.

– Сложили оружие?

Вот смелый один нашелся:

– Нет. Осмелюсь доложить, мой фюрер... – Генерал что-то хотел сказать.

Однако Гитлер отвлекся чем-то. На полуслове прервалась речь.

Вот уже несколько дней, находясь в окружении, советские солдаты ведут упорные бои. Сковали они фашистов. Срывается фашистское наступление. Застрали враги под Вязьмой.

Снова Гитлер звонит из Берлина:

– Окружены?

– Так точно, наш фюрер, – докладывают фашистские генералы.

– Сложили оружие?

Молчат генералы.

– Сложили оружие?

– Нет.

Страшная брань понеслась из трубки.

– Осмелюсь доложить, мой фюрер, – пытается что-то сказать тот, смелый. – Наш Фридрих Великий еще сказал...

Однако не слушает дальше фюрер. Бросил с досадой трубку.

Снова проходят дни. Не утихают бои под Вязьмой. Застряли, завязли враги под Вязьмой.

Вяжет их Вязьма, вяжет. За горло рукой взяла!

В гнев великом фюрер. Снова звонок из Берлина.

– Сложили оружие?

Молчат генералы.

– Сложили оружие?!

– Нет, – за всех отвечает смелый.

Снова брызнул поток нехороших слов. Заплясала мембрана в трубке.

Притих генерал. Переждал. Уловил минутку:

– Осмелюсь доложить, мой фюрер, наш великий, наш мудрый король Фридрих еще сказал...

Слушает Гитлер:

– Ну, ну, так что же сказал наш Фридрих?

– Фридрих Великий сказал, – повторил генерал, – русских нужно дважды застрелить. А потом еще и толкнуть, мой фюрер, чтобы они упали.

Буркнул что-то невнятное в трубку фюрер. Отсоединился берлинский провод.

Целую неделю под Вязьмой не утихали бои. Неоценимой была для Москвы неделя. За эти дни защитники Москвы успели собраться с силами и подготовили для обороны удобные рубежи.

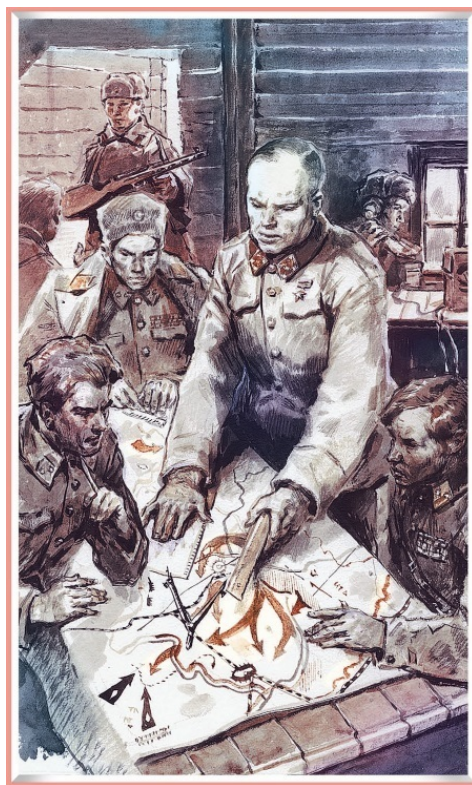
Привольны поля под Вязьмой. К небу бегут холмы. Здесь, на полях, на холмах под Вязьмой, сотни лежат героев. Здесь, защищая Москву, совершили советские люди ратный великий подвиг.

Знай!

Запомни!

Светлую память о них храни!

Генерал Жуков

Командующим Западным фронтом – фронтом, в состав которого входило большинство войск, защищавших Москву, был назначен генерал армии Георгий Константинович Жуков.

Прибыл Жуков на Западный фронт. Докладывают ему штабные офицеры боевую обстановку.

Бои идут у города Юхнова, у Медыни, возле Калуги.

Находят офицеры на карте Юхнов.

– Вот тут, – докладывают, – у Юхнова, западнее города... – и сообщают, где и как расположены фашистские войска у города Юхнова.

– Нет, нет, не здесь они, а вот тут, – поправляет офицеров Жуков и сам указывает места, где находятся в это время фашисты.

Переглянулись офицеры. Удивленно на Жукова смотрят.

– Здесь, здесь, вот именно в этом месте. Не сомневайтесь, – говорит Жуков.

Продолжают офицеры докладывать обстановку.

– Вот тут, – находят на карте город Медынь, – на северо-запад от города, сосредоточил противник большие силы, – и перечисляют, какие силы: танки, артиллерию, механизированные дивизии...

– Так, так, правильно, – говорит Жуков. – Только силы не вот здесь, а вот тут, – уточняет по карте Жуков.

Опять офицеры удивленно на Жукова смотрят. Забыли они про дальнейший доклад, про карту.

– Слушаю дальше, – сказал командующий.

Вновь склонились над картой штабные офицеры. Докладывают Жукову, какая боевая обстановка у города Калуги.

– Вот сюда, – говорят офицеры, – к югу от Калуги, подтянул противник мотомехчасти. Вот тут в эту минуту они стоят.

– Нет, – возражает Жуков. – Не в этом месте они сейчас. Вот куда передвинуты части, – и показывает новое место на карте.

Удивились штабные офицеры. С нескрываемым удивлением на нового командующего смотрят. Уловил Жуков недоверие в глазах офицеров. Усмехнулся.

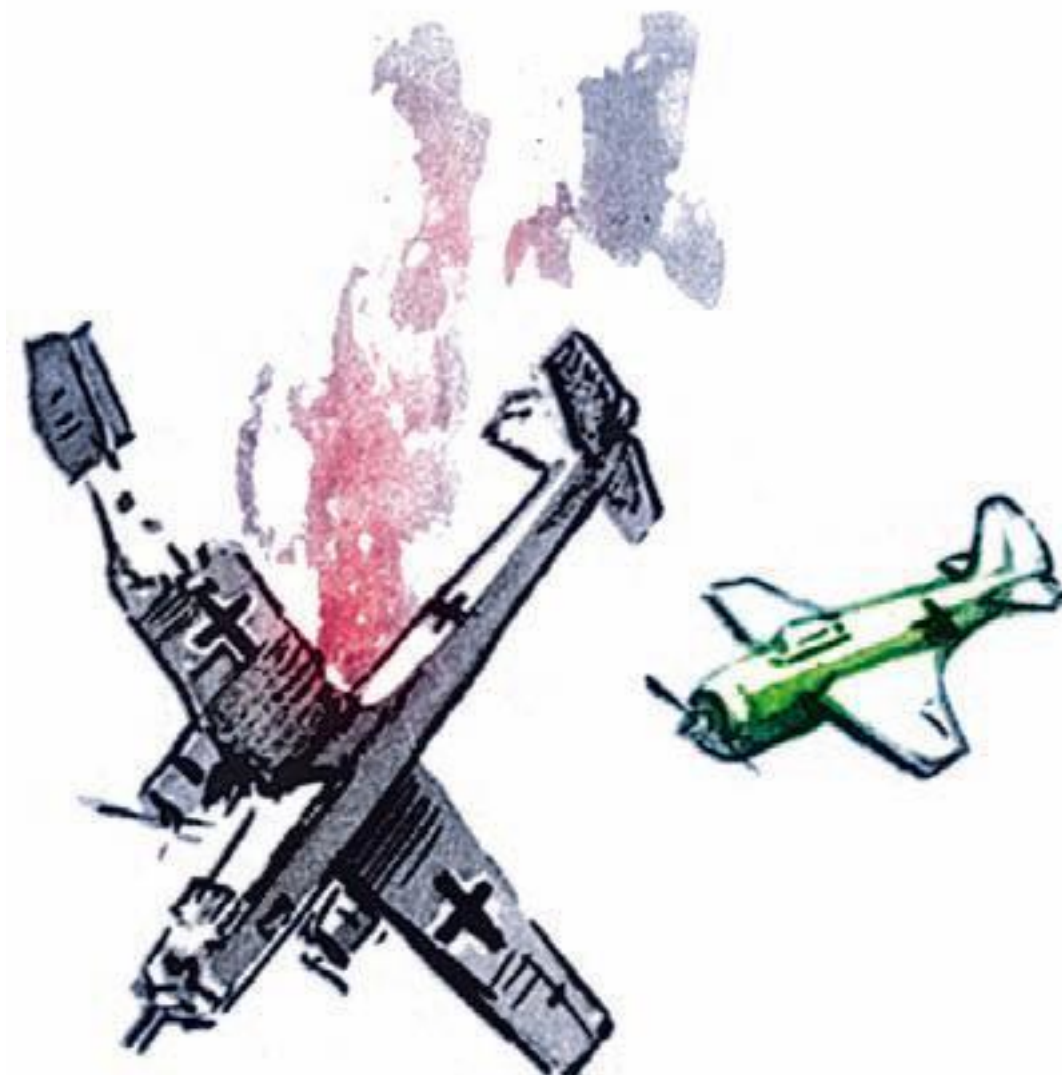
– Не сомневайтесь. Все именно так. Вы молодцы – обстановку знаете, – похвалил Жуков штабных офицеров. – Но у меня точнее.

Оказывается, побывал уже генерал Жуков и под Юхновом, и под Медыню, и под Калугой. Прежде чем в штаб – поехал прямо на поле боя. Вот откуда точные сведения.

Во многих битвах принимал участие генерал, а затем Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков – выдающийся советский полководец, герой Великой Отечественной войны. Это под его руководством и под руководством других генералов советские войска отстояли Москву от врагов. А затем в упорных сражениях и разбили фашистов в великой Московской битве.

Московское небо

Было это еще до начала Московской битвы.

Размечтался в Берлине Гитлер. Гадает: как поступить с Москвой? Мучается – что бы сделать такое необычное, оригинальное. Думал, думал...

Придумал такое Гитлер. Решил Москву затопить водой. Построить огромные плотины вокруг Москвы. Залить водой и город, и все живое.

– Сразу погибнет все: люди, дома и Московский Кремль!

Прикрыл он глаза. Видит: на месте Москвы бездонное плещется море!

– Будут помнить меня потомки!

Потом подумал: «Э-э, пока набежит вода...»

– Ждать?!

Нет, не согласен он долго ждать.

– Уничтожить сейчас же! В сию минуту!

Подумал Гитлер, и вот приказ:

– Разбомбить Москву! Уничтожить! Снарядами! Бомбами! Послать эскадрильи! Послать армады! Не оставить камня на камне! Сровнять с землей!

Выбросил руку вперед, как шпагу:

– Уничтожить! Сровнять с землей!

– Так точно, сровнять с землей. – Замерли в готовности фашистские генералы.

22 июля 1941 года, ровно через месяц после начала войны, фашисты совершили первый воздушный налет на Москву.

Сразу 200 самолетов послали в этот налет фашисты. Нагло гудят моторы.

Развалились в креслах своих пилоты. Все ближе Москва, все ближе. Потянулись фашистские летчики к бомбовым рычагам.

Но что такое?! Скрестились в небе ножами-шпагами мощные прожекторы. Поднялись навстречу воздушным разбойникам красноезвездные советские истребители.

Не ожидали фашисты подобной встречи. Расстроились ряды врагов. Лишь немногие самолеты прорвались тогда к Москве. Да и те торопились. Бросали бомбы куда придется, скорей бы их сбросить и бежать отсюда.

Сурово московское небо. Крепко наказан непрошенный гость. 22 самолета сбито.

– Н-да-а... – протянули фашистские генералы.

Задумались. Решили посылать теперь самолеты не все сразу, не общей кучей, а небольшими группами.

– Будут наказаны большевики!

На следующий день вновь 200 самолетов летят на Москву. Летят небольшими группами – по три, четыре машины в каждой.

И снова их встретили советские зенитчики, снова их отогнали красноезвездные истребители.

В третий раз посылают фашисты на Москву самолеты. Неглупыми, изобретательными были генералы у Гитлера. Новый придумали план генералы. Надо самолеты послать в три яруса, решили они. Одна группа самолетов пусть летит невысоко от земли. Вторая – чуть выше. А третья – и на большой высоте, и чуть с опозданием. «Первые две группы отвлекут внимание защитников московского неба, – рассуждают генералы, – а в это время на большой высоте незаметно к городу подойдет третья группа, и летчики сбросят бомбы точно на цели».

И вот снова в небе фашистские самолеты. Развалились в креслах своих пилоты. Гудят моторы. Бомбы застыли в люках.

Идет группа. За ней вторая. А чуть поотстав, на большой высоте, – третья. Самым последним летит самолет особый, с фотоаппаратами. Сфотографирует он, как разрушат фашистские самолеты Москву, привезет напоказ генералам.

Ждут генералы известий. Вот и возвращается первый самолет. Заглохли моторы. Остановились винты. Вышли пилоты. Бледные-бледные. Едва на ногах стоят.

Пятьдесят самолетов потеряли в тот день фашисты. Не вернулся назад и фотограф. Сбили его в пути.

Неприступно московское небо. Строго карает оно врагов. Рухнул коварный расчет фашистов.

Мечтали фашисты и их бесноватый фюрер уничтожить Москву до основ, до камня. А что получилось?

Биты фашисты. Москва же стоит и цветет, как прежде. Хорошеет от года к году.

Талалихин

Защищая Москву от воздушных налетов, совершил свой прославленный подвиг летчик-комсомолец младший лейтенант Виктор Талалихин.

Подмосковная ночь. Тихая. Лунная. Мирно плывут облака. Бежит луна от облака к облаку. Вот застеснялась. Спряталась. Вновь показалась.

Ночь. Тишина. И вдруг заухали, взвыли зенитки. Прожекторы как пики кольнули небо. В воздухе был противник.

Наблюдатели обнаружили приближающийся к Москве фашистский бомбардировщик. Младший лейтенант Талалихин получил приказ уничтожить врага. Через две минуты летчик был в воздухе.

Быстро ползет стрелка прибора, показывающего высоту. Триста метров... пятьсот... тысяча. Все выше и выше ползет стрелка. Для летчика-истребителя важен запас высоты. Сверху и атаковать неприятеля лучше, сверху все виднее. Две тысячи метров, три. Всматривается Талалихин в черное небо. Нет, не видно нигде врага. Еще выше идет самолет. Четыре тысячи метров. Четыре с половиной. Вновь осмотрелся кругом Талалихин. Все так же по небу бежит луна. Все так же темно за бортом.

И вдруг слева, чуть впереди, увидел Талалихин какой-то отблеск. Всмотрелся – опять блеснуло. Лунным светом мигнул металл. Все ясно. Враг рядом. Враг найден. Вот уже виден и весь самолет врага.

– Не уйдешь! – прокричал Талалихин. Схватил фашиста в прицел. Нажал на гатткетку. Точно стрелял Талалихин.

Первая же очередь догнала фашиста. Тронули пули правый мотор врага. Пламя мотор схватило. Ранен фашист, но не сбит. Наклоняет самолет на крыло, старается воздухом сбить огонь. Вот-вот и вовсе огонь собьет. Прибавил машине скорость. Бросает машину то влево, то вправо. Пытается оторваться, уйти от советского летчика.

Опытный ас попался. Несколько заходов сделал уже Талалихин. Никак не добьет врага. Уходит противник.

Вновь для атаки зашел Талалихин. Нажал на гашетку. Молчат пулеметы. Расстрелял все патроны летчик.

Уходит противник. И тут...

Не раз уже советские летчики таранили, то есть винтом или корпусом своего самолета сбивали самолеты врага. Еще в первые дни войны совершили таран младшие лейтенанты Петр Харитонов, Степан Здоровцев, Михаил Жуков. Да и здесь, под Москвой, тоже свои герои: капитан Алексей Катрич, младший лейтенант Борис Пирожков и другие. Однако все это были тараны дневные. Ночью Талалихин таранил первым.

Подвел он машину к хвосту фашистского самолета. Только прицелил к удару, как вдруг блеснул огонь из фашистского самолета. Лучами метнулись пули. Обожгли они руку советскому летчику.

Сжал Талалихин от нахлынувшей боли зубы. Однако штурвал из рук не выпустил. Снова зашел в хвост фашистского бомбардировщика. Нажал на рычаги. Дал полный газ. И со всей силой врезался в самолет противника. Вспыхнул бомбардировщик, как факел. Рухнул, завертелся, понесся вниз.

Однако от удара был выведен из строя и самолет Талалихина. Пришлось летчику прыгать с парашютом. Прыгнул. Благополучно спустился вниз.

За свой подвиг – за первый воздушный ночной таран – младший лейтенант Виктор Талалихин был удостоен высокой награды. Он стал Героем Советского Союза.

Арифметика

Продолжают рваться к Москве фашисты. Гудериан на Москву наступает с юга. С запада движется Гепнер. Гепнер тоже танковый генерал. Сотни танков в полках у Гепнера. Прорвали фашистские танки советский фронт.

Прорван фронт, но знает Гепнер, что это еще не все. Там, впереди, еще главные русские силы. Мечтает Гепнер разбить эти силы.

– Вперед, к победе!

Наступают танки, и вдруг задержка. «Вот они, главные силы, – решает Гепнер. – Вот он, главный, последний бой». Закипело сражение. Кончилась схватка.

– Разбиты?

– Разбиты.

– Главные силы?

– Нет, – отвечают Гепнеру.

– Наши потери?

– Двенадцать танков.

– С кем же сражались?

– Стрелковый батальон.

– Н-да-а... – протянул недовольно Гепнер.

Двигутся вперед фашисты. Сокрушают танки округу гулом. Прошли немного. Опять остановка. Закипело сражение. Кончился бой.

– Разбиты?

– Разбиты.

– Главные силы?

– Нет, – отвечают Гепнеру.

– Наши потери?

– Шестнадцать танков.

– С кем же сражались?

– Сводный отряд курсантов.

Нахмурился Гепнер. Жилка под глазом дернулась.

Тронулись танки дальше. Моторы режут, как звери. Прошли немного. Опять преграда. В новом бою фашисты. Закончилась схватка. Снова Гепнер спешит с вопросом:

– Разбиты?

– Разбиты.

– Главные силы?

– Нет, – отвечают Гепнеру.

Сплюнул с досады Гепнер.

– Наши потери?

– Семнадцать танков.

– С кем же сражались?

– Саперная рота.

Наморщился Гепнер. Гримаса лицо схватила.

Двигутся, движутся вперед фашисты. Там остановка, и здесь задержка. Там задержка, и здесь остановка. Бой переходит в бой. Схватку сменяет схватка.

Считает Гепнер потери: двенадцать танков, шестнадцать танков, семнадцать танков, опять двенадцать, пятнадцать, двадцать, четыре, десять, опять пятнадцать...

Считает, сколько прошли километров, – двадцать, пятнадцать, двенадцать, пять, стояли, опять стояли, девять, семнадцать, четыре, три, стояли, стояли, опять стояли.

Считает, сколько пройти осталось...

Уткнулся Гепнер, как школьник, в цифры. Слагает, вычитает. Делит. Множит. Опять слагает. Сидит, как бухгалтер, как счетовод. Смотрит на цифры. Смотрит на карту. Снова на карту. Опять на цифры.

Огромны потери в войсках у Гепнера. Как ни крути, как ни верти, как ни считай, ни складывай, но если так дальше пойдет, останется Гепнер вскоре совсем без танков. Придется дальше шагать пешком.

Сокрушают фашистов советские воины. Наносят удары по хваленной фашистской технике.

Считают фашисты потери. Печальная арифметика.

«Тульские пряники»

Тульский пряник вкусный-вкусный. Сверху корочка, снизу корочка, посередине сладость.

Встретив героическое сопротивление советских войск на западе и на других направлениях, фашисты усилили свою попытку прорваться к Москве с юга. Фашистские танки стали продвигаться к городу Туле.

Здесь вместе с нашей армией на защиту города поднялись рабочие батальоны.

Тула – город оружейников. Тульские рабочие сами наладили производство нужного вооружения.

Одно из городских предприятий стало выпускать противотанковые мины. Помогали этому производству готовить мины и рабочие бывшей кондитерской фабрики. Среди помощников оказался ученик кондитера Ваня Колосов. Изобретательный он паренек, находчивый, веселый.

Как-то явился Ваня в цех, где производили мины. Под мышкой папка. Раскрыл папку, в папке лежат наклейки. Наклейки были от коробок, в которые упаковывали на кондитерской фабрике тульские пряники. Взял Ваня наклейки. Подошел к готовым минам. Наклейки на мины – шлеп, шлеп. Читают рабочие, на каждой мине написано: «Тульский пряник».

Смеются рабочие:

– Вот так фашистам сладость!

– Фрицам хорош гостинец!

Ушли мины на передовую к защитникам города.

Возводят саперы на подходах к Туле противотанковые поля, укладывают мины, читают на минах – «тульский пряник».

Смеются солдаты:

– Ай да сюрприз фашистам!

– Ай да гостинец фрицам!

Пишут солдаты письмо рабочим: «Спасибо за труд, за мины. Ждем новую партию «тульских пряников».

В конце октября 1941 года фашистские танки подошли к Туле. Начали штурм города. Да не прошли. Не пропустили их советские воины и рабочие батальоны. На минах многие машины подорвались. Почти 100 танков потеряли фашисты в боях за Тулу.

Понравилось советским солдатам выражение «тульские пряники». Все, что из Тулы приходило теперь на фронт – снаряды и патроны, минометы и мины, – стали называть они «тульскими пряниками».

Долго штурмовали фашисты Тулу. Да все напрасно. Бросали в атаку армады танков. Безрезультатно. Так и не прорвались фашисты к Туле.

Видимо, «тульские пряники» хороши!

Красная площадь

1941 год. 7-е Ноября. Москва. Красная площадь.

Враг рядом. Советские войска оставили Волоколамск и Можайск. На отдельных участках фронта фашисты подошли к Москве и того ближе. Бои идут у Наро-Фоминска, Серпухова и Тарусы.

Когда солдату Митрохину сказали, что часть, в которой он служит, будет принимать участие в параде на Красной площади, не поверил солдат вначале. Решил, что ошибся, ослышался, что-то неверно понял.

– Парад! – объясняет ему командир. – Торжественный, на Красной площади.

– Так точно, парад, – отвечает Митрохин. Однако в глазах неверие.

И вот замер Митрохин в строю. Стоит он на Красной площади. И слева стоят от него войска. И справа стоят войска. Руководители страны на ленинском Мавзолее. Все точь-в-точь как в былое мирное время.

Только редкость для этого дня – от снега бело кругом. Рано нынче мороз ударил. Падал снег всю ночь до утра. Побелил Мавзолей, лег на стены Кремля, на площадь.

8 часов утра. Сошлись стрелки часов на кремлевской башне.

Отбили куранты время.

Минута. Все стихло. Командующий парадом отдал традиционный рапорт. Принимающий парад поздравил войска. Опять все стихло. Еще минута. И вот вначале тихо, а затем все громче и громче звучат слова Председателя Государственного Комитета Обороны, Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР товарища Сталина.

Сталин говорит, что не в первый раз нападают на нас враги. Что были в истории молодой Советской Республики и более тяжелые времена. Но советские люди верили в победу. И они победили. Победят и сейчас.

– На вас, – долетают слова до Митрохина, – смотрит весь мир, как на силу, способную уничтожить грабительские полчища фашистских захватчиков.

Застыли в строю солдаты.

– Великая освободительная миссия выпала на вашу долю, – летят сквозь мороз слова. – Будьте же достойными этой миссии!

Подтянулся Митрохин. Лицом стал суровее, серьезнее, строже.

– Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. – И вслед за этим Сталин сказал: – Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков: Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова!..

И сразу же вслед за речью Верховного Главнокомандующего по Красной площади торжественным маршем прошли войска. Шла пехота, шла артиллерия, кавалерийские части прошли по площади, прогремели металлом танки.

И все это здесь, на Красной площади, в этот тревожный час, казалось чудом, почти видением. И все это, как в сказке, возникнув здесь, в центре Москвы, снова ушло на фронт, туда, где совсем рядом решалась судьба и Москвы, и всего Советского Союза.

Шли солдаты. Шел рядовой Митрохин. А рядом шагала песня:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна, —
Идет война народная,
Священная война!

Генерал Панфилов

Многие войска отличились в боях под Москвой. Особенно дивизия, которой командовал генерал Панфилов. 28 героев-панфиловцев как раз из его дивизии.

Немолод уже Панфилов. К вискам седина подбежала. В морщинках лицо и лоб. По-солдатски подтянут всегда Панфилов. Шапка-ушанка. Полушубок сибирский. Грудь ремнями от пистолета, от командирской сумки схвачена крест-накрест.

Не знает Панфилов усталости. Часто бывает в кругу солдат. Любят солдаты Панфилова. Вот и сейчас генерал на боевых позициях.

Трудно панфиловцам. Пять дивизий врага штурмуют одну, советскую, 30 дней. И все бой и бой.

Приехал Панфилов к артиллеристам:

– Привет, бомбардиры-кудесники!

Улыбаются артиллеристы. Приятно такое слышать.

– Бейте, сынки, – наставляет Панфилов, – фашиста прямой наводкой. Не забывайте – пушки колеса имеют. Пушку, сынки, подкатить к самому дьяволу можно.

– Так точно, можно! – смеются артиллеристы.

Так и поступают артиллеристы. Навстречу врагу выдвигают пушки. Разят фашистов огнем и сталью.

Приехал генерал к пулеметчикам:

– Привет, глаза молодые, острые!

В улыбке цветут пулеметчики. Похвала, теплота в словах генерала.

Наставляет солдат Панфилов:

– Не томите, сынки, дальним полетом пулю. Бей врага с расстояния близкого.

– Есть, товарищ генерал! – весело отвечают пулеметчики.

Выполняют совет генерала в бою солдаты. Подпускают фашистов на близкую дистанцию.

Приехал Панфилов к истребителям танков, к гранатометчикам:

– Привет, дрессировщики Дуровы, укротители фашистского зверя!

Улыбаются гранатометчики. Ведь не даром слова такие. И вправду они укротители. Не знают солдаты страха.

Наставляет Панфилов солдат:

– Фашист сидит за броней. Потому он и храбрый. А вы скорлупку с него срывайте. Скорлупку, скорлупку, сынки, срывайте.

Смеются солдаты. Нравится им про скорлупку. Сражаются отважно гранатометчики. Бьют в упор по фашистским танкам. Скорлупку с врагов срывают.

Любят солдаты генерала Панфилова. Заботливый он генерал. Накормлен ли солдат, напоен, тепло ли одет, обут? Нет ли задержек с почтой? Давно ли в бане вымылся солдат? Все беспокоит Панфилова. Любят солдаты своего генерала. С ним хоть в огонь, хоть в бездну.

Генерал-майор Иван Васильевич Панфилов не дожил до победы. Защищая Москву от фашистов, смертью храбрых погиб генерал Панфилов. Погиб генерал, да оставил панфиловцев – отважных и стойких воинов. Не раз отличались в боях под Москвой панфиловцы.

Скажешь «панфиловцы» – сразу героев рождает память.

Подвиг у Дубосекова

В середине ноября 1941 года фашисты возобновили свое наступление на Москву. Один из главных танковых ударов врага пришелся по дивизии генерала Панфилова.

Разъезд Дубосеково. 118-й километр от Москвы. Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама. Здесь, на холме, на открытом поле, герои из дивизии генерала Панфилова преградили фашистам путь.

Их было 28. Возглавлял бойцов политрук Ключков. Врылись солдаты в землю. Прильнули к краям окопов. Рванулись танки, гудят моторами. Сосчитали солдаты:

– Батюшки, двадцать штук!

Усмехнулся Ключков:

– Двадцать танков. Так это, выходит, меньше, чем по одному на человека.

– Меньше, – сказал рядовой Емцов.

– Конечно, меньше, – сказал Петренко.

Поле. Холмы. Перелески. Чуть поодаль петляет Лама. Вступили герои в бой.

– Ура! – разнеслось над окопами.

Это солдаты первый подбили танк.

Снова гремит «ура!». Это второй споткнулся, фыркнул мотором, лязгнув броней и замер. И снова «ура!». И снова. Четырнадцать танков из двадцати подбили герои. Отошли, отползли уцелевшие шесть. Рассмеялся сержант Петренко:

– Поперхнулся, видать, разбойник!

– Эка же, хвост поджал.

Передохнули солдаты. Видят – снова идет лавина. Сосчитали – тридцать фашистских танков.

Посмотрел на солдат политрук Ключков. Замерли все. Притихли. Лишь слышен железа лязг. Ближе все танки, ближе.

– Друзья, – произнес Ключков, – велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва.

– Понятно, товарищ политрук, – ответили солдаты.

– Москва!

Вступили солдаты в битву. Все меньше и меньше в живых героев. Пали Емцов и Петренко. Погиб Бондаренко. Погиб Трофимов. Нарсунбай Есебулатов убит. Шопоков. Все меньше и меньше солдат и гранат.

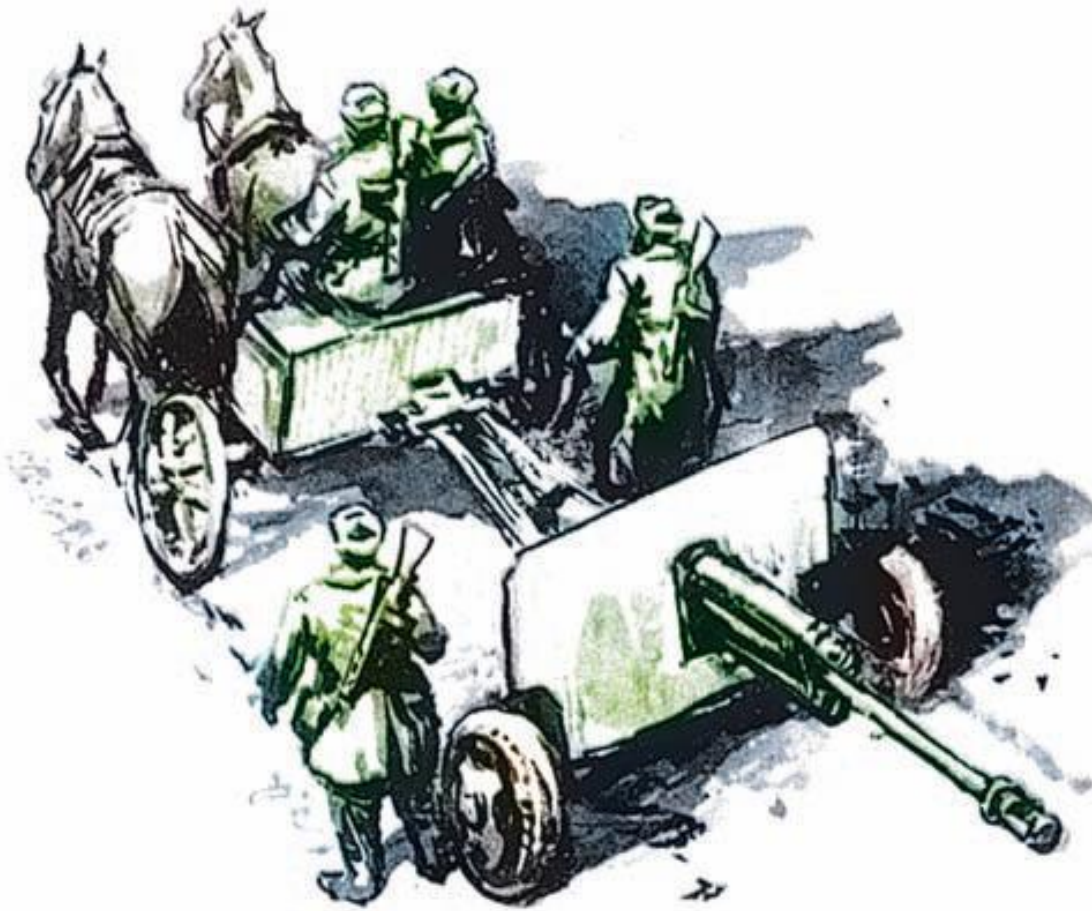
Вот ранен и сам Клочков. Поднялся навстречу танку. Бросил гранату. Взорван фашистский танк. Радость победы озарила лицо Клочкова. И в ту же секунду сразила героя пуля. Пал политрук Клочков.

Стойко сражались герои-панфиловцы. Доказали, что мужеству нет предела. Не пропустили они фашистов.

Разъезд Дубосеково. Поле. Холмы. Перелески. Где-то рядом петляет Лама. Разъезд Дубосеково – для каждого русского сердца дорогое, святое место.

«Знай наших!»

Явилась она, как птица. Словно с неба, словно из снега, словно из дивной сказки.

Суровые бои идут на северо-западе от Москвы, на Ленинградском шоссе. Фашисты прорвались к городу Клину. Отходят советские роты. Поднялись бойцы на пригорок. Слева низина. В низине покрытая льдом река. Здесь собрались фашисты. Жмутся один к другому. Много их – сотни, а то и тысяча. К новой атаке тут сборный пункт.

Смотрят бойцы на фашистских солдат. Кто-то сказал:

– Э-эх, картечью бы в это месиво.

– Верно – картечью, – подтверждает второй.

– Да, картечью бы в самый раз, – соглашается кто-то третий.

Размечтались солдаты.

– Эх бы пушку сюда, – произнес один.

Второй добавляет:

– А к ней – снаряды.

– И смелых ребят к орудию, – включается третий.

Мечтают солдаты. И вдруг с той, с другой стороны оврага, на такой же высокой, как эта, круче появилась артиллерийская упряжка.

Протерли глаза солдаты – считай, мерещится. Нет! Все настоящее. Лошади. Пушка. Два солдата. Офицер при пушке.

Посмотрели артиллеристы в низину. Тоже заметили там фашистов. Остановились.

Смотрят солдаты на пушкарей. Словно с неба, словно из снега, словно из сказки они явились.

Постояли артиллеристы минуту над кручей и ближе к фашистам – на полном карьере – слетели вниз. Видят фашисты артиллеристов. Гадают: куда это мчит упряжка? Да и чья, сразу не разобрали. Пока разбирались – упряжка рядом. Развернули солдаты пушку. В ствол вложили снаряд с картечью.

– Ну, знай наших! – прокричал офицер. – Огонь!

Чихнула картечью пушка. Выстрел, за ним второй.

– Знай наших! Знай наших! – кричал офицер. – Огонь! Огонь!

Третий выстрел. Четвертый. Поднял снежные вихри пятый.

– Знай наших! Знай наших!

Покрылась телами фашистов низина. Те, кто остался жив, бросились вверх по крутому склону, как раз туда, где стояли солдатские роты. Встретили их пулеметным огнем солдаты. Довершили отважное дело.

Когда бойцы вновь посмотрели вниз, не было там упряжки. Скрылась она из виду. Как птица, как песня. Как пришла, так и ушла, словно вернулась в сказку.

Долго стояли над кручей солдаты.

Кто же герои? Кто эти дерзкие артиллеристы? Так и не узнали о том солдаты.

«Знай наших!» – вот и все, что на память об отважных бойцах осталось.

Орлович-Воронович

Не утихают бои под Москвой. Рвутся и рвутся вперед фашисты. В середине ноября 1941 года особенно сильные бои развернулись на подступах к городу Истре. Немало и здесь героев. Гордятся солдаты младшим лейтенантом Кульчинским, гордятся заместителем политрука Филимоновым, гордятся другими. Насмерть стоят солдаты. Отважно разят врага. Выбирают фашистских солдат и фашистскую технику.

Как-то после тяжелого дня собрались солдаты в землянке, заговорили о подвигах. О летчиках речь, о танкистах – вот кто народ геройский!

Сидит в сторонке солдат Воронович. Тоже о смелых делах мечтает. Только не танкист Воронович, не летчик. Скромная роль у него на войне. Связист Воронович. Да и характером тих, даже робок солдат. Где уж такому мечтать о подвиге!

И вдруг порвали где-то фашистские мины связь. На поиски повреждения и отправился солдат Воронович.

Шагает, идет Воронович, пробирается лесом, полем, и вот у овражка, у прошлогоднего стога сена, стоят четыре фашистских танка. Всмотрелся солдат. Кресты на боках. Дула пушек на него, на Вороновича, глазом змеиным смотрят.

Неприятно солдату стало. Холодок пробежал по телу. Прилег Воронович на землю. Зорче еще всмотрелся. Видит – у танков в кружок собрались фашисты.

Соображает солдат – привал у врагов. И верно – достали фашисты еду.

Лежит Воронович. Громко стучит сердце. Один солдат – и четыре танка! Уйти? Отступить? Отползти? Укрыться?

Еще громче забилося сердце, в висках молотком застучало. А что-то внутри: «Вот минута твоя, солдат. Вперед – там ожидает подвиг!»

Четыре танка, один солдат. Да разве тут сила к силе? Лежит Воронович: «Четыре танка! Конечно, не к силе сила».

Но снова какой-то голос: «Вперед! Не мешкай, солдат! Вперед!»

Лежит Воронович: «Четыре танка! Отряд фашистов!» А мысли одна за другой: «Смелее, солдат, смелее! Время не трать, солдат!»

Пополз Воронович к фашистам. Остановился. Поднялся. Швырнул гранату. Тех, кто выжил от этой гранаты, тут же гранатой второй скосил.

Поражались потом солдаты:

– Один – и четыре фашистских танка. Орел! Орел! – смеялись солдаты. – Не Воронович ты вовсе. Нет! Есть ты у нас Орлович!

Лишних нет

Бои шли у города Солнечногорска. Теснили фашисты наших. И вот где-то в тылу у фашистов остались три советские батареи.

Майор Краснянский вызвался вернуть орудия в часть. Предлагал Краснянский на тягачах прорваться к фашистам в тыл и увезти батареи.

Храбр, энергичен майор Краснянский. Да только всему предел. Из-под носа у фашистов увезти батареи! Однако что предпринять другое? Другого решения нет. А пушки нужны как хлеб, как воздух.

Дал командир полка согласие. Уехал майор Краснянский.

Гадают солдаты: чем же закончится дерзкий рейд?

Одни утверждают:

– Привезут храбрецы орудия.

Другие:

– Да где уж! Из гадючьего горла. Из волчьей пасти. Считай, на верную гибель ушли герои.

И все же тех, кто верит и хочет верить в успех Краснянского, больше. Гадают теперь о другом: сколько пушек притащат назад солдаты? Девять ли (осталось в тылу у фашистов их девять), шесть или три?

– Хотя б привезли одну. И за это, братва, спасибо.

Деревня Пешки, южнее Солнечногорска, на шесть километров ближе к Москве. Отсюда ночью в свой смелый рейд и ушел Краснянский. Здесь и ждут прихода его назад.

Длинные в Подмосковье ноябрьские ночи. Скоро ночи уже конец.

Однако все нет и нет майора Краснянского.

Пошли голоса:

– Не вернутся!

– Напрасно ждем!

– Если бы все хорошо, давно бы уже вернулись.

– Эх, удаль что палка о двух концах: чуть оступись, тебя же и хлопнет.

И вдруг:

– Едут! Едут!

И верно. Слышен моторный гул. Вот и первый тягач показался. Вот и майор Краснянский.

Пялят солдаты вовсю глаза. Предрассветную мглу буравят.

– Есть и пушки! – кричат. – Имеются!

И верно – идут тягачи, на привязи тащат пушки.

Считают солдаты пушки:

– Три, четыре...

– Шестая, седьмая...

– Восемь, девять, – считают солдаты. – Девять! – кричат. – Девять. Все тут. Все приволок Краснянский.

И вдруг кто-то робко, словно и сам не веря:

– Братцы, никак, десятая!

Смотрят солдаты – верно, десятая движется пушка.

Новый гудит тягач. Вышел из-за поворота. И за этим на привязи пушка. А за этой и новые две.

– Двенадцать, тринадцать, – считают солдаты.

Тринадцать орудий привез Краснянский. Четыре из них фашистских. Отбили герои обратной дорогой у фашистов четыре пушки.

Довольны солдаты:

– Ишь ты, лишних пригнал четыре.

– Нет тут лишних. Все тут наши! – смеется майор Краснянский.

Экзамен

Не повезло лейтенанту Жулину.

Все друзья в боевых полках. Жулин служит в учебной роте.

Обучает лейтенант ополченцев.

На защиту Москвы поднялись тысячи добровольцев. Создавались роты, полки и даже целые дивизии народного ополчения.

У ополченцев знаний военных мало. Где у винтовки курок, где боек, зачастую путают.

Обучает Жулин ополченцев стрельбе по мишеням. Учит штыком по мешкам колоть.

Тяготится молодой офицер своим положением. Бои идут у самой Москвы. Охватывает враг советскую столицу огромным полукольцом. Рвется с севера, рвется с юга. Атакуют в лоб. Дмитров, Клин, Истра в руках у фашистов. Бои идут всего в 40 километрах от Москвы, у поселка Крюково.

Рвется Жулин к друзьям на фронт. Подает рапорта начальству.

Подавал раз – отказали.

Подавал два – отказали.

Подавал три – отказали.

– Ступайте к своим ополченцам, – отвечает ему начальство.

Кончилось тем, что пригрозило начальство Жулину, что приедет к нему с проверкой. Устроит и ему и бойцам экзамен.

И верно. Прошел день или два. Глянул Жулин – приехало начальство. К тому же начальство высшее – сам генерал в машине.

В этот день проводил лейтенант с бойцами занятия в лесу, на лесной поляне, недалеко от поселка Нахабино. Рыли солдаты окопы.

По мишеням вели стрельбу.

Тишь, благодать кругом. Сосны стоят и ели.

Бросился Жулин генералу навстречу, руку поднес к пилотке.

– Товарищ генерал, рота лейтенанта Жулина, – стал докладывать Жулин. Вдруг слышит самолетный гул прямо над головой. Поднял Жулин глаза – самолет. Видит: не наш – фашистский.

Прекратил лейтенант доклад, повернулся к бойцам.

– К бою! – подал команду.

Между тем фашистский самолет развернулся и открыл огонь по поляне.

Хорошо, что бойцы отрыли окопы, укрылись они от пуль.

– Огонь по фашисту! – командует Жулин.

Открыли огонь ополченцы.

Секунда, вторая – и вдруг вспыхнул вражеский самолет.

Еще секунда – выпрыгнул летчик. Раскрыл парашют, приземлился у самого края поляны. Подбежали солдаты, взяли фашиста в плен.

Доволен Жулин. Поправил пилотку, гимнастерку одернул. К генералу опять шагнул. Козырнул. Замер по стойке «смирно».

– Товарищ генерал, рота лейтенанта Жулина проводит учебные занятия.

Улыбнулся генерал, повернулся к ополченцам:

– Благодарю за службу, товарищи!

– Служим Советскому Союзу! – точно по уставу, дружно ответили ополченцы.

– Вольно, – сказал генерал. На Жулина одобряюще глянул.

Вместе с генералом приехали и два майора.

– Товарищ генерал, – шепчут майоры, – разрешите начать экзамен.

– Зачем же? – сказал генерал. – Считаю: экзамен принят.

Подошел и крепко руку пожал лейтенанту Жулину.

А потом и орден прислали Жулину. Жулину – орден. Солдатам – медали.

Важное дело – готовить войска к боям. Во многих местах: под Москвой, на Урале, в Сибири, в Средней Азии, на Дальнем Востоке – завершают войска обучение. Пройдет немного времени, и новые силы станут здесь, под Москвой, на пути у фашистов.

Шагает, шагает время. Не в пользу фашистов часы считают.

Дедушка

Военкомат. Приемная. Сидят люди. Ждут вызова к военкому. Это добровольцы, желающие записаться в народное ополчение.

В те грозные дни в народное ополчение уходили сотни и тысячи москвичей. Многие рвались тогда в ополченцы. Уходили целыми семьями. Из институтов – целыми курсами, с предприятий – целыми цехами. Запись в народное ополчение производилась прямо на фабриках, в учреждениях, на заводах и конечно же в военкоматах.

Сидят люди. Ждут приема. Рядом с другими сидит подросток. Посмотришь на него – ясно, что лет ему пятнадцать, не более. Тут же сидит старик. Посмотришь на этого, и ясно – лет шестьдесят ему, не менее.

– Сколько же тебе лет? – спросили другие, ждущие очередь к военкому, у подростка.

– Семнадцать, – ответил подросток.

Усмехнулись. Всем ясно – пятнадцать ему, не более.

– Точно – семнадцать, – уверяет подросток. – Даже чуть-чуть еще с хвостиком.

– Ну-ну! – рассмеялась очередь.

– Ну, а вам сколько же лет, папаша? – обратились люди теперь к старику.

– Сорок девять, – сказал старик. Добавил: – Даже еще неполных.

– Ну-ну! – и ему ответили улыбкой люди.

Дошла до подростка очередь. Прошел он в кабинет к военкому. Пробыл недолго. Вышел понурий. Ясно – не получился номер. Молод. Не взяли его в ополчение.

Скрылся за дверью теперь старик. Этот пробыл там дольше. Разговор в кабинете был громкий. Всего люди не слышали, но отдельные фразы долетали сюда в приемную.

– Да я еще – ого-го! Я еще молодого заткну за пояс. – Это говорил старик.

– Не могу. Нельзя. Поймите. – Это говорил военком.

– Да я еще в Гражданскую войну ротой командовал, да я еще в первую империалистическую войну Георгиевский крест получил, да я еще в 1904 году под Мукденом с японцами воевал. – Это опять говорил старик.

– Понимаю. Понимаю. Но не могу. Не имею права. – Это опять говорил военком.

Наконец дверь открылась. Вышел старик. И у этого вид угрюмый. Много лет старику для того, чтобы записывать его в ополчение.

Ушли подросток и старик из военкомата. А на следующий день, когда ополченцы явились на сборный пункт, смотрят, а там в строю ополченцев уже стоят и вчерашний подросток и вчерашний старик.

– Вот это да! – поразились люди.

Правда, у подростка с ополчением так ничего и не вышло. Заметили его. Вернули назад мальчишку. Война не детское это дело. А вот старик так и остался вместе со всеми. Вместе со всеми и шел он в учебный лагерь. Тут же двигались повозки со снаряжением.

– Дедушка, – обращаются к нему ополченцы, – да ты хотя бы присел на одну из повозок.

Сердится старик, негодует:

– Какой я вам дедушка! – Вскинул голову: – Я – боец! Я – солдат!

Самым удивительным оказалось то, что ему было даже не шестьдесят лет, как предполагали тогда в военкомате другие, и даже не семьдесят, а целых восемьдесят. Как раз летом 1941 года восемьдесят лет исполнилось. Так что был он даже не столько дедушкой, сколько прадедушкой. Каким он чудом попал и удержался в ополченцах, так никто и не смог понять. Однако имя и фамилию его запомнили – Иван Иванович Резниченко.

Лопата

Война есть война. Всякое здесь бывает. Лопата и та стреляет. Москва готовилась к схватке с врагом. Вокруг города возводились оборонительные рубежи. Рылись окопы. Создавались баррикады, завалы, возводились проволочные заграждения, устанавливались «ежи» и надолбы. Тысячи женщин, стариков и подростков брали в руки кирки, ломы, лопаты...

Длинной полоской уходит ров. Вот он прямо идет, вот чуть изогнулся, коленце сделал. Пополз чуть на взгорье. Сбежал к низинке. Пересек оголенное поле. Ушел за ближайший лес. Это противотанковый ров. Много их у границ Москвы. И этот. И чуть правее. И чуть левее. И дальше – за лесом. И дальше – за полем. И дальше, и дальше – перекрывшие горизонт.

Костя Незлобии – студент-текстильщик. В землеройной студент бригаде. Просится Костя в армию:

– Я в роту хочу. Я – в снайперы.

Не взяли Незлобина в армию. Слаб оказался зрением. И вот в землекопах теперь Незлобии. Вместе с другими копает ров. Девушки рядом, подростки, женщины. Старшим – старик Ордынцев.

Объясняет Костя:

– Не взяли в снайперы.

– Тут тоже, Незлобии, фронт, – отвечает Ордынцев.

– Подумаешь, фронт! – усмехнулся Костя. – Канава, ров.

– Не ров, а военный объект, – поправляет старик Ордынцев.

Только сказал, как в небе низко, совсем над землей, над людьми, над окопом пронесся фашистский летчик. Бросил он бомбу. Открыл огонь.

– Ложись! – закричал Ордынцев.

Бросились люди на дно окопа. Переждали огонь врага. Трижды в тот день приходили сюда фашисты.

– Ну, чем же тебе не фронт! – посмотрев на Костю, усмехнулся старик Ордынцев.

Ночь опустилась над лесом, над полем. На отдых ушли отрядники. Рядом на взгорке стоит деревня. Расположились в уютных избах. Только стал засыпать Незлобии, вдруг голос:

– Тревога! Тревога!

Вскочил Незлобии. Момент – на улице. Узнал, в чем дело. Оказалось, с воздуха сброшен фашистский десант. Проснулись люди. Бегут на поле. Промчались кони – наряд охраны. Вернулся Костя к избе, к сараю. Схватил лопату – вперед, за всеми.

Бежит к окопам, где место сбора. А здесь девчата, а здесь Ордынцев. Вдруг с неба – солдат фашистский. Повис на стропях. И прямо в группу.

Не ожидали девчата «гостя».

– Ай, ай! – с испуга.

А Костя словно лишь ждал момента. Схватил Незлобии секиру-заступ. Фашиста в спину.

– А-а-а! – взревел десантник. Осел и рухнул. Лежит, раскинул руки.

Расцеловали Костю друзья-девчата.

– Снайпер, ну, право, снайпер, – сказал Ордынцев.

Отбили люди десант фашистов. Вернулись в избы, ко сну, к покою. А утром снова трубят побудка. И снова люди в суровом поле.

Смешались с фронтом тылы, обозы. Кругом девизом, кругом паролем:

«Врага не пустим!»

«Врага осилим!»

И взмах лопаты как взрыв снаряда. И если надо, она копает. И если надо, она стреляет.

Три приятеля с Волхонки

Гошка, Витька и Алешка – три приятеля с Волхонки.

В дни обороны Москвы население города не только уходило в ряды ополченцев, не только помогало в сооружении оборонительных рубежей и укреплений. Все, кто мог, стали к станкам московских заводов. Жена заменяла ушедшего на фронт мужа, сестра – брата, старики – сыновей, подростки – своих отцов.

Круглые сутки, в три смены работали московские заводы. Все, что необходимо фронту, выпускали тогда заводы: гранаты и мины, колючую проволоку и противотанковые «ежи», железобетонные надолбы, снаряды и другое вооружение, военное обмундирование и много-много другого военного имущества.

На одном из московских заводов и работали трое друзей.

Вот идут они с работы. Вот встречают их мальчишки. Все мальчишки на Волхонке обожают трех друзей. Вот кричат привет мальчишки:

– Здравствуй, Гошка, здравствуй, Витька! Здравствуй, Лешенька, привет!

Остановились ребята, улыбнулись:

– Нас не трое, нас четыре.

Сказали и пошли себе дальше.

Стоят мальчишки, смотрят подросткам вслед, поражаются:

– Где четыре? Как четыре?! Где четыре, если три!

Верно – трое идут ребят. Три спины. Три головы. Четвертой нигде не видно.

Через несколько дней снова мальчишки увидели трех друзей. Озорно кричат мальчишки:

– Здравствуй, Гошка, здравствуй, Витька! Здравствуй, Лешенька, привет!

Остановились ребята, опять улыбнулись:

– Нас не трое – целых шесть!

Сказали и пошли себе дальше.

Опешили вовсе теперь мальчишки, смотрят подросткам вслед, плечами худыми водят:
– Где же шесть, раз только трое?! Трое, трое! Где же шесть?

Снова прошло несколько дней. Вновь идут они с работы – три приятеля с Волхонки, три рабочих паренька – Гошка, Витька и Алешка. Вновь мальчишки на Волхонке отдают друзьям салют:

– Здравствуй, Гошка, здравствуй, Витька! Здравствуй, Лешенька, привет!

Остановились опять подростки, посмотрели на мальчишек и вдруг сказали (у мальчишек даже глаза вразлет):

– Нас не трое, девять нас!

Ухмыльнулись мальчишки, на лицах улыбки глупые – как же понять?

Не мучили долго ребята мальчишек. Достали подростки свои рабочие книжки. Показали. В книжках нормы, в книжках цифры, сколько сделано за день. Вот рябит в глазах от чисел. Вот еще графа – процент. Смотрят мальчишки: сто... сто тридцать... двести... триста.

– Ого-го! – зашумели мальчишки.

Пропали с лиц у мальчишек улыбки глупые. Ясность теперь на лицах. Понятно любому и каждому – триста процентов, значит, работа здесь за троих. Смотрят мальчишки на трех друзей:

– Девять их, конечно, девять! Математика проста!

Улыбаются ребята. Приосанились ребята. Вот шагает по асфальту молодой рабочий класс: Гошка, Витька и Алешка – три приятеля с Волхонки. Три приятеля с Волхонки, лет военных пареньки.

Зоя

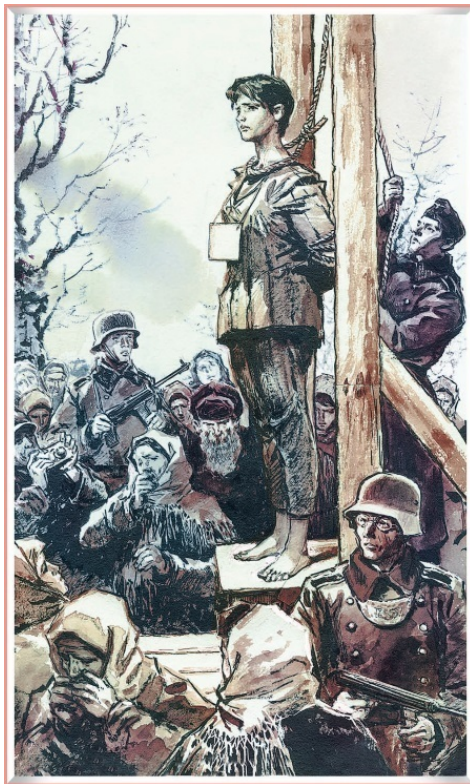

Сизой лентой на запад бежит шоссе. Мчат по шоссе машины. 85-й километр от Москвы. Присмотрись налево. Мраморный пьедестал. На пьедестале застыла девушка. Связаны руки. Гордый, открытый взгляд.

Это памятник Зое. Зое Космодемьянской.

Зоя училась в московской школе. Когда враг стал подходить к Москве, она вступила в партизанский отряд. Девушка перешла линию фронта и присоединилась к народным мстителям. Многие жители Подмосковья против фашистов тогда поднялись.

Полюбили в отряде Зою. Отважно переносила она все тяготы и невзгоды опасной жизни. «Партизанка Таня» – так называли в отряде Зою.

В селе Петрищево остановился большой фашистский отряд. Ночью Зоя проникла в Петрищево. Она пришла сюда с боевым заданием. Но враги схватили юную партизанку.

Допрашивал Зою сам командир дивизии подполковник Рюдерер:

– Кто вы?

– Не скажу.

– Это вы подожгли дома?

– Да, я.

– Ваши цели?

– Уничтожить вас.

Зою начали избивать. Требовали, чтобы она выдала своих товарищей, сказала, откуда пришла, кто послал ее на задание.

«Нет», «Не знаю», «Не скажу», «Нет», – отвечала Зоя.

И снова пошли побои.

Ночью Зою подвергли новым мучениям. Почти раздетую, в одном нижнем белье, ее несколько раз выгоняли на улицу и заставляли босую ходить по снегу.

И снова:

– Скажите, кто вы? Кто вас послал? Откуда пришли?

Зоя не отвечала.

Утром Зою повели на казнь. Устроили ее в центре деревни, на деревенской площади. К месту казни согнали колхозников.

Девушку повели к виселице. Поставили на ящик. Набросили петлю на шею.

Последняя минута, последний миг молодой жизни. Как использовать этот миг? Как остаться бойцом до конца?

Вот комендант приготовился дать команду. Вот занес руку, но остановился. Кто-то из фашистов в это время припал к фотоаппарату. Комендант приосанился: нужно получиться достойным на снимке. И в это время...

– Товарищи! Не бойтесь, – прозвучал голос Зои. – Будьте смелее, боритесь, бейте фашистов, жгите, травите!

Стоявший рядом фашист подбежал к Зое, хотел ударить, но девушка оттолкнула его ногой.

– Мне не страшно умирать, товарищи, – говорила Зоя. – Это счастье – умереть за свой народ. – И, чуть повернувшись, прокричала своим мучителям: – Нас двести миллионов. Всех не перевешаете. Все равно победа будет за нами!

Комендант дернулся. Подал рукой команду...

Минское шоссе. 85-й километр от Москвы. Памятник героине. Люди, пришедшие поклониться Зое. Синее небо. Простор. Цветы...

Отдельный танковый батальон

Подолжается жестокая схватка с фашистами. Тяжелые бои идут у поселка и станции Крюково. С особой силой здесь жмут фашисты. Не хватает солдатских сил. Вот-вот отойдут солдаты. Звонят командиры старшим начальникам. Просят о срочной помощи. Нет у старших начальников помощи. Все резервы давно в бою.

Все тяжелее дела под Крюковым. Снова звонят командиры начальникам.

– Хорошо, – говорят начальники. – Ждите танковый батальон.

И верно, вскоре на командный пункт сражающегося здесь полка явился офицер-танкист. Молод, красив танкист. В кожаной куртке, в шлеме танкистском. Глаза синие-синие. Словно в мае с неба схватил лазурь и сунул себе под веки.

Подошел танкист к командиру полка, руку к шлему поднес, представился:

– Товарищ командир полка, отдельный танковый батальон прибыл в ваше распоряжение. Докладывает командир батальона старший лейтенант Логвиненко.

Доволен – нет сил – командир полка. Мало того, что доволен – счастлив. Обнял офицера:

– Спасибо, браток, спасибо. – И сразу конкретно к делу: – Сколько в батальоне танков?

– Одна машина, – отвечает танкист. И небесной лазурью на командира смотрит.

– Сколько-сколько? – не верит своим ушам командир полка.

– Одна машина, – повторяет танкист. – Одна осталась... Танк типа «Т-37».

Большие потери несли под Москвой фашисты. Но и у наших они немалые... Вся радость с лица у командира полка – словно кто-то огромный дунул – секундой слетела. Танк «Т-37» самый устаревший советский танк. Самый старый и самый малый. Один пулемет – вот и все вооружение. Броня толщиной с мизинец.

– Жду боевую задачу, – сказал танкист.

«Катись к черту – вот и вся боевая задача», – хотел было сказать командир полка. Однако сдержался, себя пересилил.

– Направляйтесь в распоряжение первого батальона, – сказал командир полка.

Этот батальон больше всего и атаквали сейчас фашисты.

Прибыл танкист к батальону и сразу с пехотинцами ринулся в бой. Умно поступал танкист. То в одном месте поддержит броней пехотинцев, то быстро меняет позиции. И вот уже виден на новом месте. Видят броню солдаты. Легче в бою солдатам. Слух от солдата идет к солдату – прибыл танковый батальон.

Устояли тогда герои. Не пустили вперед фашистов.

И вторую отбили атаку солдаты. А за этой еще четыре. Теперь уж не только первому батальону – всему полку помогал танкист.

Закончился бой. Стоит танкист – молодой, возбужденный, красивый. Глаза синие-синие. Майской горят лазурью.

Подошел к танкисту командир полка, крепко обнял героя:

– Спасибо, браток, спасибо! Вижу, что прибыл действительно танковый батальон.

Аэростатчик

Среди защитников Москвы находился отряд аэростатчиков. Поднимались аэростаты в московское небо. С помощью металлических тросов создавали заслоны против фашистских бомбардировщиков.

Спускали как-то солдаты один из аэростатов. Однотонно скрипит лебедка. Стальной трос, как нитка, ползет по бобине. При помощи этого троса и спускают аэростат. Все ниже он, ниже. С оболочки аэростата свисают веревки. Это фалы. Схватят сейчас бойцы аэростат за фалы. Держась за фалы, перетащат аэростат к месту стоянки. Укрепят, привяжут его к опорам.

Аэростат огромный-огромный. С виду как слон, как мамонт. Послушно пойдет за людьми машина. Это как правило. Но бывает, заупрямится аэростат. Это если бывает ветер. В такие минуты аэростат, словно скакун норовистый, рвется и рвется с привязи.

Тот памятный для солдата Велигуры день выдался именно ветренный.

Спускается аэростат. Стоит рядовой Велигура. Стоят другие. Вот схватят сейчас за фалы.

Схватил Велигура. Другие же не успели. Рвануло аэростат. Слышит Велигура какой-то хлопок. Потом Велигуру дернуло. Земля отошла от ног. Глянул боец, а он уже в воздухе. Оказалось, лопнул трос, с помощью которого спускала лебедка аэростат. Поволок Велигуру аэростат за собой в поднебесье.

– Бросай фалы!

– Бросай фалы! – кричат Велигуре снизу товарищи.

Не понял Велигура вначале, в чем дело. А когда разобрался – поздно. Земля далеко внизу. Все выше и выше аэростат.

Держит солдат веревку. Положение просто трагическое. Сколько же может так человек удержаться? Минутой больше, минутой меньше. Затем силы его покинут. Рухнет несчастный.

Так бы случилось и с Велигурой. Да, видно, в сорочке боец родился. Хотя, скорее, просто Велигура боец находчивый. Ухватил он ногами веревку. Легче теперь держаться. Дух перевел, передохнул. Петлю ногами на веревке старается сделать. Добился солдат удачи. Сделал боец петлю. Сделал петлю и в нее уселся. Совсем отошла опасность. Повеселел Велигура. Интересно даже теперь бойцу. Впервые так высоко поднялся. Парит, как орел над степью.

Смотрит солдат на землю. Проплывает под ним Москва лабиринтом домов и улиц. А вот и окраина. Кончился город. Над дачным Велигура летит районом. И вдруг понимает боец, что ветер несет его в сторону фронта. Вот и район боев, вот и линия фронта.

Увидели фашисты советский аэростат. Открыли огонь. Разрываются рядом снаряды. Неуютно бойцу на воздушном шаре.

Несет ветер солдата все дальше и дальше вдоль линии фронта. Положение катастрофическое. Сколько же продержится человек над огнем на воздушном шаре? Минутой больше, минутой меньше. Пробьют оболочку аэростата. Рухнет махина вниз.

Так бы случилось, конечно, и с Велигурой. Да, видно, и впрямь в сорочке боец родился. Не задевают, мимо проходят взрывы.

Но главное – вдруг, как по команде, изменил направление ветер. Понесло Велигуру опять к Москве. Вернулся боец почти туда же, откуда отбыл. Благополучно спустился вниз.

Жив солдат. Невредим. Здоров.

Вот и вышло, что рядовой Велигура на аэростате к врагам слетал почти так же, как в свое время в неприятельскую крепость верхом на ядре знаменитый барон Мюнхгаузен.

Все хорошо. Беда лишь в одном. Мало кто в этот полет поверил. Только Велигура начнет рассказывать, сразу друзья кричат:

– Ну-ну, ври, загигай, закручивай!

Не Велигура теперь Велигура. Только откроет бедняга рот, сразу несется:

– Барон Мюнхгаузен!

Война есть война. Всякое здесь бывает. Бывает такое, что сказкой потом считают.

«Айн, цвай, драй!»

Бывалый солдат во взводе что вожак в журавлиной стае.

Бой шел южнее Москвы, в Тульской области, около города Венёв. Фашистские танки стали заходить в тыл советским войскам. Пришлось войскам отступить. Не успел уйти из Венёва лишь взвод полковой разведки. Укрылись бойцы в одном из сараев на окраине города.

Захватили фашисты Венёв. Стоят часовые при въезде, при выезде. Не прорваться к своим разведчикам. – Нет тут выхода!

– Нет спасения!

– Верный плен!

Вдруг вышел вперед разведчик сержант Мисанов:

– Разговорчики! Как нет выхода, нет спасения?! Смотрят бойцы на Мисанова. Известен во взводе боец Мисанов. Если такое сказал Мисанов, значит, надежда и вправду есть. Притихли солдаты в сарае. Смотрят сквозь щели в стене на улицу. Смотрит и сам Мисанов.

Ноябрь. Морозно на улице. Падает снег. Ветерок колесит по улице. Гонит вперед поземку.

Проходят через город по улице совсем рядом с сараем, в котором сидят советские бойцы, маршевые колонны фашистской пехоты. Идут в колоннах по два человека. Зябко фашистам. Ссутулили плечи, подняли воротники.

– Айн, цвай, драй! – командуют фашистские командиры.

«Айн, цвай, драй!» – отдается в ушах у Мисанова.

«Что же сержант придумает?» – гадают солдаты.

Смотрит Мисанов на фашистских солдат:

– Эка вон как ссутулили плечи.

– Так ведь от холода, – поясняют бойцы.

– Эка ж задрали воротники.

– Так ведь за уши мороз хватает.

Наступил вечер. Стемнело вокруг. Ни звезд, ни луны на небе. Лишь раздаются за стенами сарая немецкие голоса, лишь слышен топот солдатских ног.

Прошло какое-то время, и вдруг Мисанов подал команду:

– Становись! Стройся по два в колонну.

Построились солдаты. Что же такое будет?

– Поднять воротники! – командует Мисанов.

Подняли солдаты воротники.

– Сутулься, сутулься. Плечи сутуль сильнее.

Вогнали шеи солдаты в плечи.

Распахнул Мисанов ворота.

– Шагом марш! – скомандовал тихо и тут же громко: – Айн, цвай, драй!

Тронулись солдаты. Вышли на главную улицу, по которой шли фашистские роты, пристроились к хвосту одной из колонн.

– Айн, цвай, драй! – командует Мисанов. И тут же тихо: – Братцы, плечи сутуль, плечи сутуль сильнее. – И снова громко, во всю солдатскую мочь: – Айн, цвай, драй!

Прошли солдаты мимо фашистского часового, переступили границу города, вышли в открытое поле. Приотстали солдаты, оторвались от фашистских колонн, свернули с дороги. К утру и достигли своих.

– Да как вы?!

– Откуда? – пошли вопросы.

– Не гадали в живых вас видеть.

– Так ведь с нами Мисанов!

– Ах, Мисанов – так это другое дело.

Бывалый солдат из любой беды живым, невредимым выйдет. Бывалый солдат во взводе что вожак в журавлиной стае.

Ударная

Харлов Иван служил пулеметчиком в 1-й Ударной армии.

28 ноября 1941 года танковым ударом фашисты обрушились на город Яхрому. Яхрома стоит от Москвы точно на север, на берегу канала Москва – Волга. Ворвались фашисты в город, вышли к каналу. Захватили мост через канал, переправились на восточный его берег.

Танковые соединения врага обходили Москву с севера. Положение было тяжелым, почти критическим.

1-я Ударная армия получила приказ остановить врага.

Втянулась Ударная в бой. Вместе с другими в бою и Харлов. Опытен он в сражении. В наступление шла стрелковая рота. Припал Харлов к пулемету. Защищает огнем своего пулемета советских стрелков. Действует по-харловски. Не торопится. Зря в поле пуль не пускает. Бережет патроны. Бьет точно по цели. Стреляет очередями короткими. Чувствует Харлов себя как бы ответственным за жизнь пехотинцев. Словно каждая лишняя смерть на его счету.

Хорошо бойцам под такой защитой.

И вдруг осколком фашистской мины искорежило у Харлова ствол пулемета.

Оборвался, заглух огонь.

А противник снова идет в атаку. Смотрит Харлов – воспользовались фашисты, что стих его пулемет, выдвинули вперед пушку. Вот-вот и ударит пушка по нашей роте. Сжались в кулаки от обиды у Харлова руки. Потом он постоял и вдруг припал к земле, прижался и как-то по-крабьи, боком, забирая чуть-чуть в обход, пополз по направлению к неприятельской пушке.

Увидели солдаты, замерли.

«Батюшки, верная смерть!»

Впились солдаты глазами в Харлова. Вот ближе к пушке Харлов, вот ближе. Вот и рядом совсем. Поднялся в рост. Размахнулся. Бросил гранату. Уничтожил фашистский расчет.

Не сдержались солдаты:

– Ура Харлову!

– Ну, Иван Андреич, теперь беги.

Только прокричали, видят: вышли из-за бугра фашистские танки и идут прямо на Харлова.

– Беги! – снова кричат солдаты.

Однако мешкает что-то Харлов. Не отбегает.

Всмотрелись солдаты внимательнее.

– Гляньте, гляньте! – кричит один.

Видят солдаты – разворачивает Харлов фашистскую пушку навстречу танкам. Развернул. Пригнулся. Припал к прицелу.

Выстрел. Загорелся фашистский танк. Два танка подбил герой. Остальные свернули в сторону.

До самого вечера длился бой. Отбросила Ударная армия фашистов вновь за канал. Восстановила здесь положение.

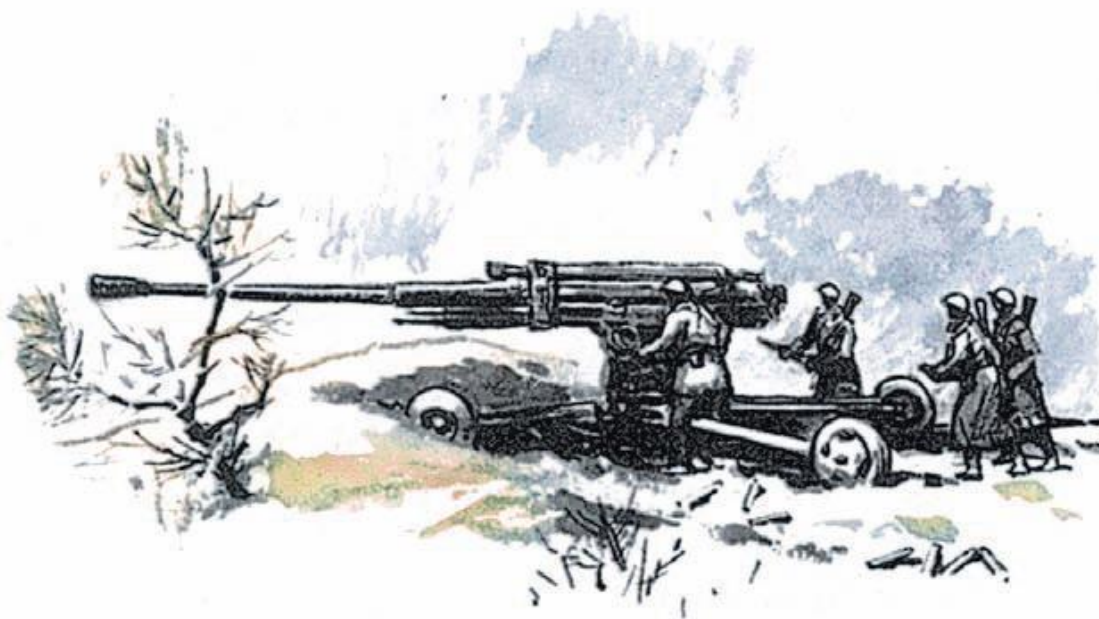
Довольны солдаты:

– А как же иначе! На то и Ударная!

– Как же иначе, раз такие, как Харлов, есть.

Ближе других

Не умолкают бои под Москвой. От станции Крюково по направлению к Москве прорвались два неприятельских танка.

Несутся вперед машины.

Прорвались фашисты. Уверены: сзади идут другие. Однако другие не одолели рубеж обороны. Остались на прежних местах другие. Лишь эти двое вперед несутся.

Совсем пустяк до Москвы остался.

– Быстрее! Быстрее! – командиры торопят водителей. Не знают они, что другие на прежних местах остались. Боятся, как бы другие не опередили их.

Подгоняет танкистов желание ворваться в Москву непременно первыми.

– Первыми!

– Первыми!

– Первыми!

Несутся вперед враги. Вот он, долгожданный момент удачи.

– Первыми будем в русской столице!

– Первыми!

Опасный прорыв совершили фашисты. Да только и здесь у Москвы – защитники. Прикрывают подходы к Москве зенитчики. Получен такой приказ: передвинуть из города навстречу фронту зенитные батареи, направить стволы по наземным целям.

Приспустили стволы зенитчики. Готовы к стрельбе по наземным целям.

Сидят у орудий бойцы, следят не за небом – за дорогой, за полем.

Вдруг возглас:

– Танки!

Смотрят – и верно танки.

– Орудия к бою!

– Орудия к бою!

Вступили зенитчики в бой с противником.

– Огонь!

– Огонь!

А танки все ближе и ближе.

– Целься прямой наводкой!

Припали солдаты к пушкам. Крикнул снова сержант:

– Огонь!

Взвизгнул снаряд – и сталью о сталь! Споткнулся первый фашистский танк. Крутанул, как волчок, на месте. Вздогнул. Лязгнул железом. Просел. Затих.

Снова гремит команда:

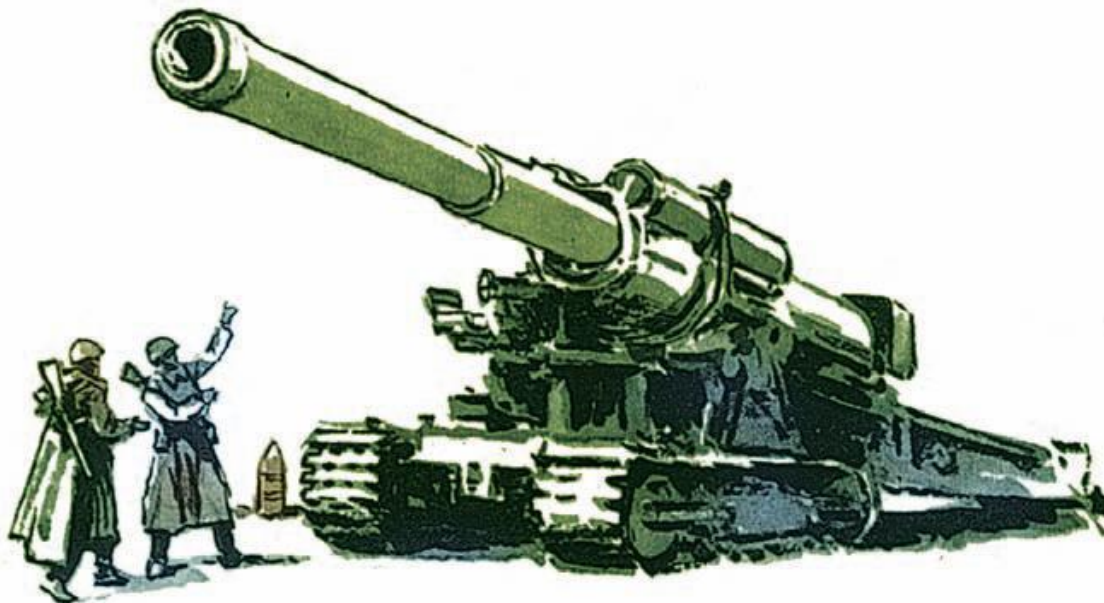
– Огонь!

Взвизгнул снаряд – и металлом в металл! Угодил он второму танку как раз под брюхо, туда, где броня не такая прочная. Замер и этот танк.

Два фашистских экипажа ближе других подошли к Москве. Чем же эти вошли в историю? Могилы их ближе других к Москве. Нет других, чтобы были ближе.

Пушка

Был один из самых тяжелых моментов Московской битвы.

Бои шли севернее Москвы, на Рогачевском шоссе.

Ударили фашистские танки встык между двумя соседними нашими армиями, устремились в прорыв, понеслись к Москве. Пали селения Белый Раст, Озеречное, Мышецкое, рабочий поселок Красная Поляна. Враги подошли к станции Лобня, к Савеловской железной дороге.

До Москвы оставалось около 30 километров. Это – расстояние, на которое могла стрелять фашистская дальнобойная артиллерия.

Привезли фашисты в Красную Поляну дальнобойную пушку. Стали ее устанавливать. Дали приказ подвозить снаряды.

Возятся фашистские солдаты у пушки. Площадку ровняют. Лафет укрепляют. В прицел, как в бинокль, заглядывают.

Не могут скрыть торжества солдаты:

– Мы первыми из всех по Москве ударим!

– Награда от фюрера будет!

Суетится артиллерийский офицер. И этот о том же думает: будет ему награда – рыцарский крест на шею, известность по всей Германии.

Торжествуют фашисты удачу. А в это время навстречу прорвавшимся врагам срочно двигались наши части. Подходили полки и роты, с марша вступали в бой.

Возятся фашистские солдаты у пушки. Привезли им как раз снаряды.

– Шнель, шнель! – покрикивает офицер.

Предвкушает фашист успех. Вот заложат солдаты в пушку сейчас снаряд. Вот вскинет он руку. В три горла рванет команду. Вот она, радость боя!

– Шнель, шнель! – покрикивает офицер.

Возятся солдаты у пушки, слышат шум боя. Только не дальше, не к Москве почему-то отходит бой, а кажется солдатам, что сюда, к Красной Поляне, ближе.

Переглянулись солдаты:

– Ближе!

– Ближе!!

Вот и несется уже «ура!». Вот и ушанки с красной звездой мелькнули.

Выбили советские войска фашистов из Красной Поляны. Досталась пушка советским бойцам. Обступили ее солдаты. Любопытно на пушку глянуть.

– Вот бы сейчас – по Гитлеру!

– Прихватим с собой к Берлину!

Однако пришел приказ пушку отправить в тыл. И все же задержались чуть-чуть солдаты. Подождет пять минут приказ!

Развернули солдаты пушку. Вложили снаряд. Прицелились. Ударила пушка стократным басом. Устремился снаряд на запад, весть о нашей победе врагам понес.

Проходят наши роты мимо фашистской пушки. Видят солдаты гигант трофей:

– Ух ты, мама!

– Неужто взяли?

– Взяли, родные, взяли!

Смотрят солдаты опять на пушку:

– Ну, если такую фашисты бросили, значит, примета добрая.

Все больше у наших упорства, силы. Все слабее напор врагов.

И снова солдаты:

– Выдыхается, знать, фашист.

Понимают бойцы: быть повороту, быть переменам. Сердцем солдатским чувствуют.

Кашира

Рвутся, рвутся к Москве фашисты. Напрягают последние силы. Ищут, где бы, в месте каком пробиться. Не прорвались на западе, не пробились на севере. Вновь наносят удары с юга. Тут по-прежнему наступает танковый генерал Гудериан. Рвутся танки к Кашире, к реке Оке, к мостам через реку Оку.

Помощь нужна Кашире. Нет в запасе у нашей армии свежих сил. Всюду идут бои. И все же помощь нашлась Кашире – конный корпус генерала Белова.

– Куда же на танки – конницу, – кое-кто говорил тогда.

Да и правда: конница против танков!

– Конница – день вчерашний.

– В отставку пора кавалерии.

– На покой!

– По домам!

– В музей!

– Посмотрим, посмотрим, – сказал генерал Белов. И вот явились к Кашире конники. И сразу с хода, с дороги в бой. Смешалось все на полях под Каширой. Танки и лошади, пушки и люди. Лязг гусениц, грохот орудий, храп лошадей, команды, крики, призывы раненых. Вот танки теснят кавалерию. Вот отступают под градом гранат и снарядов танки. Оставили всадники седла, сражаются в пешем строю. Но только успех наметится, снова они в стременах, мчатся по снежному полю.

Гуляет отвага на полях под Каширой. Удадь узоры свои плетет.

Дрогнули фашистские танки. Не устояли. Не пробились они к Кашире. Конечно, не только кавалеристы одни сражались. Пехотинцы здесь бились. Танкисты. Советская артиллерия помогла. Вместе и задержали они фашистов.

Через три дня Гудериан начал новое наступление. И снова войска генерала Белова – а теперь генерал Белов командовал не только кавалерийским корпусом, но и всеми войсками,

оборонявшими Каширу, – остановили фашистскую армию. И не только остановили, но и погнали прочь от Москвы.

Шутили над Гудерианом тогда солдаты:

– Наш-то Белов того – дернул, выходит, его копытом.

Услыхал генерал про копыто:

– А что же, верно. – И сам смеялся: – Только не я, генерал Белов, витязь советский побил фашистов...

Потом повернулся к тем – к «неверующим», кто о кавалерии сказал, как о дне вчерашнем:

– Ну что – по домам? На покой? В музей?!

Смутились «неверующие», однако тут же нашлись.

– В музей, – говорят и добавляют: – В музей нашей доблести русской и русской славы.

Броня

В 112-й танковой дивизии, которой командовал полковник Андрей Лаврентьевич Гетман, служил старшина Илларион Махарадзе.

Патриот он своей дивизии. Считает, что всё у них в дивизии самое лучшее. И командир дивизии полковник Гетман лучше всех других командиров, и замполит, то есть заместитель командира по политической части, лучше всех других замполитов, командир батальона, в котором служил Махарадзе, лучше всех других командиров, и командир танка лейтенант Огневцев, непосредственный начальник старшины Махарадзе, лучше всех других командиров танков. И лучший повар на весь Западный фронт именно у них, в их 112-й танковой дивизии. И лучший парикмахер тоже у них в дивизии. И лучший начпрод (это начальник по продовольствию), и лучший начхоз (это начальник хозяйственной части). И танки самые лучшие тоже у них в 112-й. А надо сказать, что большинство танков в дивизии были как раз устаревшего типа. Не тягаться им с лучшими советскими танками.

Уступали они и фашистским. И моторы у них слабее, и броня тоньше. Крепче были фашистские танки.

– Нет, наши крепче, – утверждает старшина Махарадзе.

– Да где же крепче, – возражают солдаты, – раз броня у них тоньше, раз силы в моторах меньше.

– Крепче, крепче, – стоит на своем танкист.

К инженеру солдаты его водили, к командиру батальона его водили, в инструкции и наставления носом сунули.

– Нет, наши танки крепче, крепче, – повторяет опять Махарадзе. – Неточность, видать, в инструкциях.

Вот ведь кавказец! Вот ведь упрямец!

Дивизия полковника Гетмана входила в войска, оборонявшие подходы к столице с юга. Дралась она за Тулу, сражалась за Серпухов, под Каширой помогала генералу Белову.

Немало геройских дел на счету у танкистов. И вот выпал дивизии новый подвиг.

30 ноября 1941 года фашисты предприняли еще одну попытку ударить на Москву с юга. Бой разгорелся у селений Манышино и Суходол. 80 первоклассных фашистских танков обрушились на дивизию полковника Гетмана.

Отважно сражались танкисты. Вместе с подоспевшими сюда пехотинцами остановили они фашистов. Как ни пытались фашисты подмять дивизию Гетмана, в какие ни ходили они атаки – и в лоб, и во фланг, и строем клин, и строем таран, – удержались советские танки. Сами танкисты потом поражались: откуда в танках такая крепость, как устояли они в сражении!

Закончился бой.

– Ага, а я что говорил! – торжествует старшина Махарадзе. И снова свое: – Крепче наши танки, крепче. Не чета им фашистские.

– Да как же – крепче, – кто-то снова полез из спорщиков.

– Крепче, – подтвердил Илларион Махарадзе. И поясняет, почему они крепче: – Броня – это раз, – загнул палец старшина Махарадзе, – упорство в бою – это два. Вера в победу – три. Геройство, считай, – четыре. Так у кого же танки, выходит, крепче?

Смотрят солдаты на старшину Махарадзе.

– Ты смотри, правду, поди, говорит кавказец. От геройства, и верно, металл крепчает.

«Напишу из Москвы»

Не удастся фашистам прорваться к Москве ни с юга, ни с севера.

– Брать ее штурмом, брать ее в лоб! – отдают приказ фашистские генералы.

И вот вечер накануне нового наступления. Обер-лейтенант Альберт Наймган спустился к себе в землянку. Достал бумагу, начал писать письмо. Пишет своему дядюшке, отставному генералу, в Берлин. Уверен Наймган в победе.

«Дорогой дядюшка! – строчит Наймган. – Десять минут тому назад я вернулся из штаба нашей гренадерской дивизии, куда возил приказ командира корпуса о последнем наступлении на Москву...» Пишет Наймган, торопится: «Москва наша! Россия наша! Европа наша! Тороплюсь. Зовет начальник штаба. Утром напишу из Москвы».

Новую свою попытку прорваться к Москве фашисты начали с самого кратчайшего, Западного направления. Прорвали вражеские дивизии фронт под городом Наро-Фоминском, устремились вперед.

Торжествуют фашистские генералы:

– Путь на Москву открыт!

Посылают депешу быстрее в Берлин:

«Путь на Москву открыт!»

Мчат к Москве фашистские танки и мотоциклетные части. Пройдено пять километров... десять... пятнадцать, деревня Акулово. Здесь, под Акуловым, встретил враг заслон. Разгорелся смертельный бой. Не прошли здесь фашисты дальше.

Пытаются враги пробиться теперь южнее Наро-Фоминска. Прошли пять километров... десять... пятнадцать. Село Петровское. И здесь, у Петровского, преградили дорогу фашистам наши. Разгорелся смертельный бой. Не прорвались фашисты дальше.

Повернули фашисты на север. Устремились к станции Голицыно. Прошли пять километров... десять... пятнадцать... У деревень Бурцево и Юшково – стоп! Стоят здесь на страже

наши. Разгорелся смертельный бой. И здесь не прорвались фашисты дальше. Захлебнулась и здесь атака.

Отбили советские воины новый прорыв на Москву. Отползли, отошли фашистские танки к своим исходным рубежам. Отошли фашисты и все же не верят в силу советских войск. Успокаивают сами себя фашистские генералы:

– Ничего-ничего – отдохнем, поднажмем, осилим!

А в это время на север, на юг от Москвы и здесь, на Западном направлении, собирали советские части свежие силы. К Москве подходили новые дивизии, в войска поступали новые танки и новые пушки. Наша армия готовилась нанести сокрушительный удар по врагу.

Готовы войска. Нужен лишь сигнал к наступлению.

И он поступил.

На одних участках фронта 5-го, а на других 6 декабря 1941 года войска, оборонявшие Москву, перешли в грандиозное наступление. Наша армия стала громить врага и погнала его на запад.

Ну, а как же с письмом Наймгана? Дописал ли его офицер?

Нет, не успел. Погиб лейтенант Наймган. Вместе с письмом в снегах под Москвой остался.

«Тайфуном» называли фашисты свое наступление.

Взвился «Тайфун», как ястреб. Рухнул, как камень, в пропасть. Укротили его советские солдаты.

Переломилось

Переломилось. Свершилось. Сдвинулось. Наступает наша армия. Рванулись войска вперед. Громят фашистов армии генералов Говорова, Рокоссовского, Лелюшенко, Кузнецова, Голикова, танкисты Катюкова, Гетмана, Ротмистрова, конники Доватора и Белова, герои-панфиловцы и много других частей.

Успешно идет наступление. Много отважных солдат из разных сел, городов, областей, республик защищало Москву. Здесь москвичи и рязанцы, украинцы и белорусы, латыши и казахи и много других бойцов. Перед самым наступлением прибыло в войска пополнение – сибиряки и уральцы.

В канун наступления командующий Западным фронтом генерал армии Георгий Константинович Жуков направился к войскам. Приехал сначала как раз к уральцам. Рослый уральцы народ, красивый.

- Здравствуйте, товарищи бойцы!
- Здравия желаем, товарищ командующий!

Поговорили о том о сем.

- Как настроение?
- Боевое, товарищ командующий!
- Как доехали?
- Люксом, люксом!

А сами в теплушках ехали.

- Готовы идти в наступление?
- Готовы, товарищ командующий!
- Ну что же, удачи, товарищи. До встречи на поле боя!

Простился Жуков с уральцами, поехал в дивизии к сибирякам. Ядреный сибирский народ, смекалистый.

- Здравствуйте, товарищи бойцы!
- Здравия желаем, товарищ командующий!

Пошли разговоры о том о сем. Как настроение? Как доехали? Как вас тут встретили? И наконец:

- Готовы идти в наступление?
 - Хотя сию минуту, товарищ командующий!
 - Ну что же, удачи, товарищи. До встречи на поле боя!
- Поехал Жуков в полки к москвичам.
- Здравствуйте, товарищи бойцы!
 - Здравия желаем, товарищ командующий!

И тут разговоры о том о сем. О Москве, о войне, о московской хватке. Закаленный народ москвичи. В боях и в защите стойкий.

Смотрит Жуков на москвичей:

- Ну как, товарищи, готовы идти в наступление?
- Заждались, товарищ командующий!

Объехал Жуков другие дивизии. Встречался с казаками и белорусами, с латышами и украинцами. Побывал у рязанцев, у каширцев, у туляков. Всюду один ответ. Скорее ударить по лютому зверю. Скорее разить врага. Ехал Жуков назад, на командный пункт, смотрел на снег, на поля Подмосковья.

«Момент наступил. Самый момент», – рассуждал Жуков.

Доложил он в Ставку Верховного Главнокомандования, что готовы войска к наступлению.

Дала Ставка приказ к боям.

Ходики

Наступают советские войска. Отходят фашисты, сжигают все на своем пути, минируют.

В одном из уцелевших крестьянских домов временно разместился штаб генерала Константина Константиновича Рокоссовского. Прославилась армия Рокоссовского в боях за Москву. Герои-панфиловцы сражались именно в этой армии.

Очистили саперы дом от фашистских мин. Штаб приступил к работе. Рокоссовский, начальник штаба армии генерал Малинин и член Военного совета армии генерал Лобачев склонились над картой. Нужно подготовить и передать войскам срочные распоряжения.

Однако в избу то и дело входят различные люди. Свои же штабные работники рады поздравить генералов с успехом, от местных жителей поблагодарить за освобождение, офицеры из штаба фронта – за сводками новостей.

Отрывают от срочной работы посетители генералов. Ко всему – приехали корреспонденты. Много и разные. Просто журналисты, фотокорреспонденты и даже один кинооператор с огромным штативом и неуклюжей камерой. Набросились корреспонденты на генералов, как соколы на добычу. Особенно усердствует фотокорреспондент.

– Подойдите, подойдите сюда поближе, товарищ командующий! – командует Рокоссовскому.

– Присядьте, товарищ генерал, присядьте. – Это к начальнику штаба генералу Малинину.

– Привстаньте, товарищ генерал, привстаньте. – Это к члену Военного совета генералу Лобачеву.

Машет руками, командует. Словно не они здесь генералы, а он генерал.

Посмотрел на корреспондента генерал Малинин. Человек он резкий, вспыльчивый. Шепчет Рокоссовскому:

– Гнать их отсюда, товарищ командующий!

– Неделикатно. Нет, нет, – шепчет в ответ Рокоссовский.

Висят на стене часы-ходики. Тик-так, тик-так... – отбивают время.

Пропадают дорогие минуты у генералов. Часы старые-старые. Циферблат со щербинкой. Одна стрелка чуть-чуть подогнута. Вместо гирь висят мешочки с какими-то грузилами.

Глянул Рокоссовский на ходики, затем на корреспондентов и говорит:

– Дорогие товарищи, только очень прошу, не прикасайтесь и не подходите близко к часам: они заминированы.

Сказал и хитро глянул на генерала Малинина.

«Как – заминированы! Тут все проверено», – хотел было сказать Малинин. Однако Рокоссовский делает ему знак: молчи, мол, молчи.

Промолчал генерал Малинин. Понял, что Рокоссовский решил припугнуть журналистов.

– Заминированы, – вновь повторил Рокоссовский.

Рассчитывал Рокоссовский – уйдут журналисты. А те и не думают.

По-прежнему больше других старается фотокорреспондент:

– Станьте сюда, станьте сюда, товарищ командующий...

– Передвиньтесь чуть-чуть. Левее. Левее. Еще левее. Отлично. Благодарю. – Это к генералам Малинину и Лобачеву.

Затем совсем вплотную подошел к ходикам. Изловчился и снял так, что на одном снимке и генералы, и ходики.

– Осторожно, они заминированы, – вновь говорит Рокоссовский.

– Ничего-ничего, – отвечает фотокорреспондент. – Это даже еще интереснее. Редкостный будет снимок.

Щелкнул отдельно ходики. Повернулся опять к генералам. И другие журналисты идут в атаку. И эти терзают военачальников.

Так и не получилось ничего с выдумкой у Рокоссовского. Развел он руками, посмотрел на Малинина, на Лобачева:

– Не ожидал!

Повернулся к корреспондентам. Руки поднял:

– Сдаюсь!

Пришлось Малинину «взяться» за журналистов.

Ушли журналисты. Усмехается Рокоссовский:

– Ишь боевой народ!

Глянул на ходики.

Тик-так, тик-так... – отсчитывают время ходики.

Прибыл

Было это перед самой войной. Павел Коркин, житель подмосковного села Бабкино, отбывал солдатскую службу на Дальнем Востоке, в стрелковой дивизии полковника Белобородова.

Жили солдаты рядом с рекой Уссури. Широка, полноводна, быстра Уссури...

Отличился солдат в учениях, дали ему краткосрочный отпуск домой в награду.

Пишет Коркин родным письмом: «Ждите, еду. Ваш *Павел Коркин*».

Не уехал тогда солдат. Задержала его война. Лишь напрасно письмо отправил.

Осенью 1941 года дальневосточная дивизия полковника Белобородова в числе других войск была переброшена под Москву, на помощь защитникам советской столицы. Отличились в сражениях дальневосточники. Заслужили гвардейские звания.

И вот теперь вместе со всеми гвардейцы Белобородова громили фашистов, гнали врага на запад. Через несколько дней наступления солдаты вышли к берегу Истры, к Истринскому водохранилищу.

Истра, Истра... За Истрой – Бабкино. Смотрит Коркин – родимый край. Справа – плотина Истринского водохранилища. Впереди – возвышенный берег Истры. Берег лесистый, с

круглыми склонами. Хорошо здесь держать оборону. Засели на нем фашисты. Открыли огонь по нашим.

– Ура! – кричит Коркин.

Бросились наши войска в атаку. Не страшны им огонь и взрывы. Вот-вот и ворвутся на правый берег. И вдруг водяной вал высотой в четыре метра обрушился на советские части. Отпрянули наши солдаты. Это фашисты взорвали плотину Истринского водохранилища. Забурлила, устремилась вода вперед. Разлилась, раздвинулась Истра. Смотрит Коркин: не Истра – река Уссури. Да где Уссури – вместе Амур и Волга.

Остановилось успешное продвижение.

– Рус, цурюк! Рус, назад! – голоса фашисты.

Охватила Коркина злость. Глянул солдат налево, направо. На тот берег крутой, вдали.

– Братцы, вперед! Братцы, не трусь! Братцы, вплавь на подручных средствах!

Ожили солдаты. Бросились к недалеким избам. Разобрали заборы. Кто на бревнах, кто на воротах, кто просто так устремились гвардейцы в воду.

Смотрят фашисты во все глаза. В реальность всего не верят. Вот на воде колыхнулись уже плоты, вот надувные лодки. Ударила дружно советская артиллерия. В небе появились советские штурмовики.

Дружно идет атака.

– Вперед! Ура! Вперед! – кричит Коркин.

Первым догреб до берега. Первым рванулся на фашистов.

Ворвались гвардейцы на прибрежные кручи. Бежали фашисты.

Как снег на голову, явился Коркин в родное Бабкино.

– Павлуша! – всплеснула руками мать и тут же заплакала.

Улыбается ей солдат:

– Письмо получила? Писал, что буду. Прибыл. Встречайте. Прибыл!

Бегут навстречу родня, соседи. Встречает героя Бабкино.

Дом

Советские войска стремительно продвигались вперед. На одном из участков фронта действовала танковая бригада генерал-майора Катукова. Догоняли врага танкисты.

И вдруг остановка. Взорванный мост впереди, прямо перед танками. Случилось это на пути к Волоколамску, в селе Новопетровском. Приглушили танкисты моторы. На глазах уходят от них фашисты. Выстрелил кто-то по фашистской колонне из пушки – лишь снаряды пустил по ветру.

– Ауфвидерзеен! Прощайте! – кричат фашисты.

– Бродом, – кто-то предложил, – бродом, товарищ генерал, через речку.

Посмотрел генерал Катукوف – петляет река Маглуша. Круты берега у Маглуши. Не податься на кручи танкам.

Задумался генерал.

Вдруг появилась у танков женщина. С нею мальчик.

– Лучше там, у нашего дома, товарищ командир, – обратилась она к Катукovu. – Там речка уже. Подъем положе.

Двинулись танки вперед за женщиной. Вот дом в ложине. Подъем от речки. Место здесь вправду лучше. И все же... Смотрят танкисты. Смотрит генерал Катукوف. Без моста не пройти тут танкам.

– Нужен мост, – говорят танкисты. – Бревна нужны.

– Есть бревна, – ответила женщина.

Осмотрелись танкисты вокруг: где же бревна?

– Да вот они, вот, – говорит женщина и показывает на свой дом.

– Так ведь дом! – вырвалось у танкистов.

Посмотрела женщина на дом, на воинов.

– Да что дом – деревяшки-полешки. То ли народ теряет... О доме ль сейчас печалиться, – сказала женщина. – Правда, Петя? – обратилась к мальчику. Затем снова к солдатам: – Разбейте его, родимые.

Не решаются трогать танкисты дом. Стужа стоит на дворе. Зима набирает силу. Как же без дома в такую пору?

Поняла женщина:

– Да мы в землянке уж как-нибудь. – И снова к мальчику: – Правда, Петя?

– Правда, маманя, – ответил Петя.

И все же мнутя, стоят танкисты.

Взяла тогда женщина топор, подошла к краю дома. Первой сама по венцу ударила.

– Ну что ж, спасибо, – сказал генерал Катуков.

Разобрали танкисты дом. Навели переправу. Бросились вслед фашистам. Проходят танки по свежему мосту. Машут руками им мальчик и женщина.

– Как вас звать-величать? – кричат танкисты. – Словом добрым кого нам вспоминать?

– Кузнецовы мы с Петенькой, – отвечает, зардевшись, женщина.

– А по имени, имени-отчеству?

– Александра Григорьевна, Петр Иванович.

– Низкий поклон вам, Александра Григорьевна. Богатырем становись, Петр Иванович.

Догнали танки тогда неприятельскую колонну. Искрошили они фашистов. Дальше пошли на запад.

Отгремела война. Отплясала смертями и бедами. Утихли ее сполохи. Но не стерла память людские подвиги. Не забыт и подвиг у речки Маглуши. Поезжай-ка в село Новопетровское. В той же лощине, на том же месте новый красуется дом. Надпись на доме: «Александре Григорьевне и Петру Ивановичу Кузнецовым за подвиг, совершенный в годы Великой Отечественной войны».

Петляет река Маглуша. Стоит над Маглушей дом. С верандой, с крылечком, в резных узорах. Окнами смотрит на добрый мир.

«Француженка»

«Француженка» – так солдаты называли пушку.

Когда сержанту Барабину впервые ее вручили, глянул солдат и ахнул. Пушка была выпуска 1897 года, выходит, из нее деды еще стреляли.

– Да-а-а... – протянул солдат.

– Зато – «француженка», – говорят Барабину.

Пушка действительно была французской. Во Франции ее изготовили. Еще в Первую мировую войну попала она в Россию. Оказалась пушка на батарее, в которой служил Барабин в самые тяжелые часы Московской битвы. Много требовалось тогда вооружения. И вот случайно где-то на артиллерийских складах было обнаружено несколько старых пушек. Были здесь пушки русские, были английские, была и французская. Отправили их на фронт. Французская и досталась сержанту Барабину.

Артиллерийская батарея, как правило, состоит из четырех пушек. Из четырех состояла и батарея Барабина. Три пушки современные, новые, только что пришедшие с заводов. Четвертая, барабинская, – французская.

Долго бурчал артиллерист. Смотрел на пушку, как на дите нелюбимое. Все раздражало солдата в пушке. И вид старинный, и бьет ближе других, и много возни, пока перезарядишь.

– Утиль, – бурчал солдат. – Доисторический век.

Солдаты смеются:

– Зато – «француженка»!

Побурчал-побурчал Барабин, а затем и привык к «француженке». А когда подбил первый фашистский танк, даже расцеловал пушку. Кто-то сказал:

– Любовь начинается.

И не ошибся.

Сержант Барабин был прекрасным артиллеристом. Прекрасным оружием стала в его руках и «француженка».

Сражалась пушка на Минском шоссе в армии, которой командовал генерал Леонид Александрович Говоров. Сдерживала вместе с другими натиск фашистов. И вот теперь вместе со всеми пошла вперед.

Проезжал как-то генерал Говоров мимо артиллерийской позиции. Увидел необычную пушку. Спросил у офицера, что за пушка.

– «Французенка», – ответили генералу. Объяснили офицеры генералу, откуда пушка и как к ним попала.

– Да, нелегкие были дни, – сказал генерал Говоров. А когда узнал, что «французенка» танк подбила, даже похлопал ее по стволу.

– Спасибо, – сказал, – «французенка».

Недолго после этого пробыла пушка в войсках. Поступили с Урала новые пушки. Много тогда нового оружия для наступающих армий под Москву приходило. Нет уже больше нужды во «французенке». Прислали новую пушку и для сержанта Барабина.

Уперся было Барабин. То да се. Привык, не отдает он свою «французенку». Однако приказ есть приказ. Пришлось артиллеристу расстаться с пушкой.

Обнял он ее, расцеловал:

– Ну что ж, прощай, родимая!

Покатила на склады опять «французенка». Случилось так, что генерал Говоров через несколько дней вновь встретил Барабина. Признал он сержанта. Спросил:

– Ну, как «французенка»?

Показал Барабин на новую пушку. Была она дальнобойной, скорострельной, самой последней, самой совершенной конструкции.

– Да, время другое, другая сила, – сказал Говоров.

Сержант-лейтенант

Сержант Павел Бирюков служил адъютантом у командующего стрелкового батальона. Произошло это перед самым нашим наступлением. Получил Бирюков от командира задание отправиться на передовую, установить связь с ротами.

Отправился Бирюков. Идет по обочине леса, вдруг видит – из леса выходит колонна фашистов. Схватил Бирюков автомат, бросился за сосну, открыл по врагам огонь. Побежали фашисты. Однако быстро пришли в себя. Поняли, что перед ними всего-то один русский боец. Ответили они на огонь Бирюкова своим огнем. Но и на помощь советскому солдату пришли товарищи. Завязалась перестрелка.

Точно стрелял Бирюков. Уже не стоит за сосной, а прилег. Выбирает, как снайпер, цели. Прицелится. Скажет:

– Понеслись! – и выпускает пули.

Снова прицелится. И снова:

– Вперед, голубушки!

Не ошибаются пули, точно летят в фашистов.

Не устояли фашисты. Отползли от опасного места. Побежали к своим окопам.

Нет бы Бирюкову на этом бой посчитать оконченным. А он поднялся и вслед за фашистами.

– Да куда ты! – кричат товарищи.

Не услышал, видать, боец. Несется, кричит:

– Сдавайтесь!

Фашистов много, а он один.

– Сдавайтесь! – кричит. – Сдавайтесь!

Подбежали фашисты к своим окопам. Укрылись. Но не спасли их окопы на этот раз. Вслед за ними влетел и Бирюков в траншею.

– Рус! – закричали фашисты. – Рус!

Кричат и те, кто прыгнули только сейчас в окопы, и те, кто в окопах уже сидели. Не поняли фашисты в горячке боя, что из русских у них в окопе только один солдат. И Бирюков в той же горячке боя, видимо, тоже не очень понял, что он один. Увлёкся солдат погоней. Влетел в окоп, полоснул автоматом, швырнул гранату.

Побежали фашисты. Те, кто остались живы, укрылись в других траншеях.

В это время подоспели на помощь к Бирюкову наши солдаты. Поравнялись они с окопом. Видят: жив, невредим Бирюков. Стоит в неприятельском окопе, трофеи считает. Подобрали солдаты трофеи: автоматы, минометы, фашистские пулеметы – восемь пулеметов одних досталось, – вернулись к своим позициям.

За свой героический подвиг сержант Бирюков был награжден орденом. Одновременно ему было присвоено звание лейтенанта.

Поздравили его товарищи. Радовались успеху. Солдаты всегда солдаты. Любят солдаты шутку. Обнимают Бирюкова, бросают шутки:

– В окопы вбежал сержантом, выбежал – лейтенантом. Еще два окопа – майором будешь.

Через день началось наступление. Офицером шел Павел Бирюков в наступление.

Доватор

В боях под Москвой вместе с другими войсками принимали участие и казаки: донские, кубанские, терские...

Лих, искрометен в бою Доватор. Ладно сидит в седле. Шапка-кубанка на голове.

Командует генерал Доватор кавалерийским казачьим корпусом. Смотрят станичники на генерала:

– Наших кровей – казацких!

Спорят бойцы, откуда он родом:

– С Дона.

– С Кубани!

– Терский он, терский.

– Уральский казак, с Урала.

– Забайкальский, даурский, считай, казак.

Не сошлись в едином мнении казаки. Обратились к Доватору:

– Товарищ комкор, скажите, с какой вы станицы?

Улыбнулся Доватор:

– Не там, товарищи, ищите. В белорусских лесах станица.

И верно. Совсем не казак Доватор. Белорус он. В селе Хотино, на севере Белоруссии, недалеко от города Полоцка – вот где родился комкор Доватор.

Не верят Доватору казаки:

– Шутки комкор пускает.

И снова:

- Терский!
- Оренбургский!
- Донской!
- Кубанский!
- Уральский!
- Братцы, да он же, считай, забайкальский, даурских кровей, казак.

Еще в августе – сентябре конная группа Доватора ходила по фашистским тылам. Громила склады, штабы, обозы. Сильно досталось тогда фашистам. Пошли слухи – 100 тысяч советских конников прорвалось в тыл. Успокаивают солдат фашистские генералы. Отдают даже специальный приказ. А в этом приказе: «Не верьте слухам! Слухи о том, что в тыл наших войск прорвалось 100 тысяч кавалеристов противника, преувеличены. Линию фронта перешло всего 18 тысяч». А на самом деле в конной группе Доватора было только 3 тысячи человек.

Когда советские войска под Москвой перешли в наступление, казаки Доватора снова прорвались в фашистский тыл.

Боятся фашисты советских конников. За каждым кустом им казак мерещится...

Назначают фашистские генералы награду за поимку Доватора – 10 тысяч немецких марок.

Рыщут любители денег и славы. Ловят в мечтах Доватора. Исчезает, как дым, Доватор.

Повышают фашисты цену. 20 тысяч марок за поимку советского генерала. Рыщут любители денег, хватают в мечтах Доватора.

Как гроза, как весенний гром, идет по фашистским тылам Доватор. Бросает фашистов в дрожь. Проснутся, ветра услышав свист.

– Доватор! – кричат. – Доватор!

Услышат удар копыт.

– Доватор! Доватор!

Повышают фашисты цену. 50 тысяч марок назначают они предателю. Лежат без хозяина эти деньги. Как сон, как миф для врагов Доватора.

Едет верхом на коне Доватор. Легенда следом за ним идет.

Казачи

Одной из казачьих дивизий (кубанской) командовал генерал-майор Исса Александрович Плиев.

Огневой, задорный народ кубанцы. Собрались в дивизии казаки из станиц Советской и Вознесенской, Отрадной, Попутной, Лабинской, Кавказской и многих других.

Хороши под кубанцами кони. Хороши у кубанцев песни. Шашки в бою как молнии.

Во многих боях рубились кубанцы. Особенно памятен бой у деревни Горбово.

Наступали тогда казаки, гнали врага на запад.

Захватили конники Горбово, но тут на помощь своим подошли фашисты. Дивизия приняла встречный бой.

Плиев решил ударить во фланг противнику. Однако идти в атаку нужно было открытым местом. Прямо от села начиналось большое поле.

Ветер бежит по полю. Гонит с бугра снежинки. Смотрит на поле Плиев. Хорошо, конечно, ударить во фланг, однако сколько людей погибнет здесь на открытом месте.

Задумался генерал. Вдруг слышит:

– Товарищ комдив!

Поднял Плиев голову. Видит – стоит перед ним казак. Казак настоящий, с усами, в кубанке. Уже в годах.

– Откуда, служивый?

– Из станицы Попутной.

– Слушаю вас, товарищ.

– Товарищ комдив, дозвоьте совет.

– Совет так совет, – улыбается Плиев.

Подошел казак к генералу, стал что-то шептать на ухо.

Слушает Плиев:

– Так, так.

Руками что-то казак показывает. Улыбается Плиев:

– Так, так. – Совсем оживился Плиев: – С удальством, по-казачьи, значит?

– Так точно, по-дедовски, товарищ комдив.

Дал Плиев команду идти в атаку.

Построились казаки на улицах Горбова. С места взяли в карьер, в галоп. Донесли до околицы. Вот и открытое поле. Помчались кони вперед на врага.

Но тут встретили фашисты конников залпами. Вот неудача! Повалились из седел всадники. Повисли на стремях. Разгоряченные кони вперед несутся.

Довольны фашисты: отбили атаку. Несутся по полю кони, тащат тела казаков. «Ага, и лошади будут наши!» – рады фашисты двойному везению. Кони и правда несутся к ним. Вот-вот и хватай скакунов за уздечки.

И вдруг... что такое?! Не верят фашисты своим глазам. Видят и все же не верят. Остановились вдруг кони в беге. Ожили, как в сказке, убитые всадники. Поднялись на стремях. Приложили к плечам автоматы. Огнем, как косой, по фашистским рядам прошли.

Увенчалась успехом казацкая хитрость. Откатились назад фашисты. Взяли в галоп эскадроны. Острой казацкой пашкой довершили лихое дело.

Горд Исса Александрович Плиев:

– Джигитовка! Высший казацкий класс!

Наташка

Среди лесов и полей Подмоскovie затерялось небольшое село Сергеевское. Стоит оно ладное-ладное. Избы словно только родились на белый свет.

Любит Наташка свое Сергеевское. Резные ставни. Резные крылечки. Колодцы поют здесь песни. Калитки поют здесь песни. Басом скрипят ворота. Соревнуются в крике голосистые петухи. Хороши леса и рощи. Малина в лесах, орешник. Хоть на возах вывози грибы.

Любит Наташка свое Сергеевское. Речка журчит здесь Боря. Хороши берега у Бори. Травка. Песочек. Склонились ивы. Рыбий под вечер всплеск.

И люди в Сергеевском тоже особые. Добрые-добрые! Солнце Наташке светит. Люди Наташке светят. Дарит улыбки мир.

И вдруг оборвалось все, как сон, как тропа над кручей. Кончилась мирная жизнь в Сергеевском. Опалила война округу. Попало к врагам Сергеевское.

Вступили в село фашисты. Разместились фашисты в крестьянских избах. Выгнали жителей всех на улицу.

В погребах и землянках укрылись люди. Живут все в страхе, как темной ночью.

До самой зимы, до снега в руках у врагов находилось Сергеевское. Но вот долетела сюда канонада. Сверкнула радость – идут свои!

– Свои!

Ждут в Сергеевском избавления. Ожидают нашу армию. И вдруг обежали фашисты погреба и землянки. Выгнали снова людей на улицу. Согнали в сарай, что стоял на краю Сергеевского. Закрыли на все засовы.

Смотрит Наташка: вот мамка, вот бабка, соседи, соседки. Полно народа.

– Чего нас, мамка, в сарай загнали? – лезет Наташка.

Не понимает, не знает, не может ответить мать.

Сильнее слышна за селом канонада. Радость у всех:

– Свои!

И вдруг кто-то тихо, затем что есть силы:

– Горим!

Глянули люди. Дым повалил сквозь щели. Огонь побежал по бревнам.

– Горим!

Бросились люди к дверям сарая. Закрыты двери на все засовы. Даже снаружи чем-то тяжелым подперты.

Все больше и больше в сарае огня и дыма. Задышаться начали люди. Не хватает Наташке воздуха. Пламя ползет к шубейке. Уткнулась, прижалась Наташка к матери. Ослабла, забылась девочка. Сколько времени прошло – не знает. Вдруг слышит:

– Наташка! Наташка!

Открыла глаза Наташка. Не в сарае она, на снегу, под чистым небом. Ясно Наташке: успели наши, пришло спасение. Улыбнулась Наташка и вновь забылась.

Перенесли ее в дом. Отлежалась, к утру поправилась. А утром побежала девочка по селу. Как именинник стоит Сергеевское. Запели опять калитки. Запели опять колодцы. Заговорили ворота басом. Бежит Наташка. Снег под ногами хрустит, искрится, озорно белизной сверкает. Добежала до речки Вори. Взлетела на кручу. Остановилась вдруг, замерла. Холм из свежей земли над Ворей. Красная звездочка сверху вкопана. Дощечка под звездочкой. На дощечке идут фамилии. Смотрит на холм Наташка. Два солдата рядом стоят с лопатами.

– Кто здесь такие, дяденьки? – показала на холм Наташка.

Посмотрели бойцы на девочку:

– Спаситель здесь твой лежит.

Войны без смертей не бывает. Свобода нелегкой ценой достается.

Тулупин

Стрелковая рота вступила в село. Правда, не первой. Освободили село другие. Еще утром бежали отсюда фашисты.

Идут солдаты вдоль главной улицы. Сохранилось село. Быстро бежали фашисты. Ни сжечь, ни разрушить ничего не успели.

Подшли солдаты к крайнему дому. Дом-пятистенок. Калитка. Ворота. На воротах написано что-то. Заинтересовались солдаты. Читают: «Прощай, Москва, уходим в Берлин. *Ефрейтор Беккере*».

– Вот это здорово! – рассмеялись солдаты. – Значит, прощай, Москва, прощай, надежды.

– Хоть и фашист, а верную надпись сделал. Присмотрелись солдаты, а внизу и еще слова.

Кто-то приписку сделал. Читают бойцы приписку: «Ничего, догоним. *Рядовой Тулупин*».

Рассмеялись солдаты:

– Вот это по-нашему!

– Вот молодец Тулупин!

– Мужик с головой, выходит.

Понравилось бойцам солдатское добавление. Интересно им узнать о судьбе Тулупина. Может, Тулупин фашиста уже догнал?

Идут вперед солдаты. Всюду наводят о Тулупине справки. Кого ни встретят – пехотинцев, танкистов, артиллеристов – сразу с вопросом:

– Нет ли у вас Тулупина?

Фамилия не очень частая. Скорее редкая. Не попадается им Тулупин. Зашли солдаты за Можайск, за Медынь, дальше фашистов гонят. Нет и нет, не встречается им Тулупин. И вдруг в одном месте...

– Есть, – говорят, – Тулупин.

Кинулись солдаты к бойцу:

– Тулупин?

– Тулупин.

– Писал на воротах?

– На каких на воротах? – поразился боец. Объясняют солдаты.

– Нет, не писал, – отвечает Тулупин.

Огорчились солдаты:

– Не тот Тулупин.

Продолжает армия ратный путь. Двигутся вперед солдаты, освобождают родную землю.

Наступают солдаты и всюду:

– Есть ли у вас Тулупин?

– Есть ли у вас Тулупин?

И вот...

– Есть, – говорят, – Тулупин.

Бросились солдаты к бойцу:

– Тулупин?

– Тулупин.

– Писал на воротах?

– На каких на воротах? – поразился боец. Объясняют солдаты.

– Нет, не писал, – отвечает Тулупин.

– Э-эх, снова не тот, – огорчились солдаты.

– Не повезло.

Много километров прошагали вперед солдаты. Продолжают искать Тулупина. Тревожиться стали солдаты:

– Может, ранен, попал в санбат?

– Может, убит Тулупин?

И вдруг:

– Есть Тулупин!

– Тулупин?

– Тулупин.

– Тот самый?

– Сдается, тот.

Повстречались солдаты с Тулупиным и сразу ему про Беккерса.

– Беккере... Беккере? – стал, вспоминать солдат. – Ах, Беккере! Догнали, догнали его, родимые!

Оживились солдаты:

– Давно?

– С месяц уже, считай.

Довольны солдаты: попался Беккере. Лезут опять к Тулупину:

– Здорово ты на воротах...

– Что на воротах?

– Здорово ты написал.

– Что написал? – поразился боец. – На каких на воротах?! – стоит, на солдат удивленно смотрит.

Вот так дела! Ясно солдатам: снова не тот Тулупин.

Заговорили опять о Беккере.

– Помню Беккерса, помню, – повторяет Тулупин. – Как же, помню – полковник Беккере.

Нашей ротой был схвачен в плен.

– Полковник? – смутились солдаты. (На воротах писал ефрейтор.)

– Полковник, – сказал Тулупин.
Ясно теперь солдатам, что и Беккере совсем не тот.
Простились солдаты. Дальше пошли походом.
Сожалеют солдаты:
– Эх, Беккере не тот и не тот Тулупин.
Тут же со всеми шагает старшина Задорожный. Посмотрел на друзей Задорожный:
– Тот – не тот! Да в этом ли разве дело. Братцы, хватай за суть. Время смотри какое. Не
беккеры ныне теснят Тулупиных. Фашистов Тулупины нынче бьют.
Наступают советские войска. На нашей улице нынче праздник. Множится счет побед.

Скачков

Иван Михайлович Скачков был одним из руководителей Можайского района. Любили его в районе. Скачков человек деловой, энергичный.

Храбро сражались тогда войска. Однако сила была у фашистов. Оставили наши солдаты Можайск. Ушел и Скачков с войсками.

Вспоминали в Можайске Скачкова. Где он? Жив, невредим? Погиб ли в бою?

Наступили в Можайске тяжелые, черные дни. В центре города фашисты поставили виселицу. У вокзала и на базарной площади устроили тюрьмы для непокорных. Редко пустует виселица. Допросы и пытки не прекращаются.

Но не смирились можайцы. Ушли в партизаны. Есть Северный партизанский отряд, есть Южный. Возглавляет отряды товарищ Михайлов. Ходят слухи, мол, опытный командир.

Чудеса творятся вокруг Можайска.

Шел лесом по Саввинской дороге фашистский танк. Тянул сзади прицеп с пехотой. В лес зашел, а оттуда не вышел. Утром видят фашисты – танк взорван, перебитой лежит пехота.

Направлялся в село Облянищево фашистский отряд во главе с офицером. Шли солдаты грабить крестьян: за маслом, за хлебом, за сеном для лошадей. Не дошли до села фашисты. Спят вечным сном на лесной поляне.

Нашелся в Можайске предатель. Сделали фашисты каким-то важным его начальником. Как начальству отвели кабинет. Заглянули фашисты как-то к нему в кабинет. Мертвым лежит предатель.

Прибыли под Можайск на аэродром Ватулино новые фашистские самолеты. Только сели, только разместились в землянках летчики, как тут тревога. Прилетели советские бомбардировщики, уничтожили фашистские самолеты.

Пришли на пополнение в фашистскую армию танки, пушки и мощные тягачи. Скопились они у деревень Клементьево и Горбово. Только стали командиры решать – кому, в какой полк и сколько всего направить, как в небе снова появились советские летчики. Полетели на фашистскую технику бомбы. Смешали металл с землей.

Не прекращаются чудеса под Можайском. Да и не только здесь. Под Волоколамском, под Рузой, под Истрой, Малым Ярославцем, Боровском, Нарой – всюду горит под врагами земля. Мститель за горло берет врага.

94 дня пробыл Можайск под фашистской неволей. Но верили люди в нашу победу. И радостный час наступил. Прогнали отсюда фашистов. Снова Можайск свободен.

Собрались на митинг жители.

– Слово имеет руководитель партизанского движения Можайского района товарищ Михайлов.

Глянули люди – так это ж Скачков. Иван Михайлович Скачков. Боевой орден на груди у Скачкова. Ясно людям: так вот где он был. Вот за что орден ему в награду.

Трое

Осташевский район – глубинный, дальний в Московской области. Деревня Бутаково в Осташевском районе – дальняя. Отступали фашисты через Бутаково. Тянулись с утра и до самого вечера. Не успели пройти все засветло. Один из фашистских отрядов остался в деревне на ночь. Избы здесь спалены. В землянках укрылись жители.

Однако на окраине деревни сохранился большой сарай. В нем и разместились фашисты на ночь.

Хорошо им под крышей. Ветер не дует. Снег не сыплет. Только холод страшный стоит в сарае.

О тепле, о костре стали мечтать фашисты. Покрутились вокруг сарая: не видно ли рядом дров? В лес же идти опасно. Разыскали щепок, собрали малость. Зажгли. Огонь улыбнулся теплом и замер. Лишь запах дыма, тепла оставил. Дразнит фашистов запах.

Прижались солдаты крепче друг к другу. Стали дремать фашисты. Вдруг слышат скрип на снегу за сараем. Встрепенулись солдаты. Автоматы немедля в руки. Ясно врагам: «Партизаны!» Однако видят – идут ребята. Школьники. Трое. Сапоги на одном огромные. Другой в треухе добротном заячьем. Третий солдатским ремнем затянут.

Подожли мальчишки, остановились. Смотрят на них фашисты. Не опускают пока автоматы.

– Партизаны?! – взвизгнул один из фашистов.

Взвизгнул и сам смутился. Видит же он, и другие видят – перед ними стоят ребята.

Отделился от мальчишек тот, что в треухе. Был он ростом чуть-чуть повыше. Шагнул к сараю. Рассмотрели фашисты за спиной у подростка что-то.

– Цурюк! Назад! – закричали фашисты.

Остановился мальчишка. Ношу на землю сбросил. Смотрят фашисты – охапка лежит с дровами.

– Берите, – сказал мальчишка.

Вырвалось тут у солдата удивление:

– О-о-о! Гут! Карашо!

Опустили они автоматы. Дал подросток сигнал товарищам. Отошли на минуту двое. Отошли и тут же вернулись. И у этих охапки в руках с дровами.

Вспыхнул огонь в сарае. Потянуло теплом от дров. Греют руки солдаты, спины. Чуть ли не лезут в костер с ногами.

Понравились им ребята. И тот, что в треухе заячьем, и тот – в сапогах огромных, и тот, что солдатским ремнем затянут.

Пылает костер. Дрова, как сахар в горячем стакане, тают. Показал на дрова тот, что в треухе, обратился к фашистам:

– Нох? Еще?

– Нох! Нох! – закричали в ответ фашисты.

Ушли ребята. Где-то ходили. Вернулись снова. Снова дрова в руках. Сложили ребята дрова в сторонку. А тот, что в треухе, явился со связкой хвороста. Скинул он хворост – и прямо в костер всю связку. Еще сильнее взметнулось пламя.

Побежало тепло ручьями. Довольны фашисты:

– О-о-о! Гут! Карашо!

Смотрят: а где же мальчишки? Сдуло их словно ветром.

Посмотрели солдаты на тьму, в ворота. И в ту же секунду раздался страшный взрыв. Разнес он сарай, а с ним и фашистов. В связке хвороста были заложены две противотанковые мины.

...Много отважных подвигов совершили под Москвой партизаны. Чем могли, помогали взрослым подростки и дети. Особенно тут, в Осташевском районе. Юным советским патриотам ныне памятник здесь стоит. В Осташеве. На площади. В самом центре.

Папка

Погиб у Филиппки отец. В первые дни войны. В боях под городом Минском.
Мал Филиппка – четыре года. Скрыла горе от сына мать.

Лезет Филиппка к матери:

– Наш папка воюет? Нас защищает? Фашистов бьет?

Прижмет женщина сына к груди покрепче:

– Воюет, сыночек, воюет. Так точно, Филиппка, бьет.

Бежит по селу Филиппка:

– Наш папка фашистов бьет! Наш папка фашистов бьет!

Живет Филиппка в Московской области. Недалеко от города Рогачева.

Отполыхало военное лето. Осень пришла на смену.

Навалилась беда на село, на округу. Черной сворой прорвались сюда фашисты. Танки, пушки вошли в село.

– Славянское быдло! – кричат фашисты.

– Партизаны! – кричат фашисты.

Страшно Филиппке, прижмется к матери:

– А где же папка? Спасет нас папка?

– Спасет, – отвечает женщина.

Шепчет Филиппка друзьям, соседям:

– Спасет нас папка, побьет фашистов...

Ждут не дождутся колхозники избавления. И вот радость как ветер в село ворвалась. Разбиты фашисты. Гонят наши врагов от Москвы на запад.

Скоро и здесь, под Рогачевом, послышался звук канонады.

– Папка идет! Папка идет! – закричал Филиппка.

Дождались колхозники светлого часа. Проснулся Филиппка как-то, узнаёт: бежали фашисты, село свободно.

Бросился мальчик к матери:

– Папка пришел? Папка пришел?

– Пришел, – как-то тихо сказала мать.

– Где же папка?! – кричит Филиппка.

– Дальше пошел, сынок...

Побежал Филиппка по сельской улице:

– Нас папка освободил! Нас папка освободил!

Повстречался Филиппке Гришка. В два раза старше Филиппки Гришка. Присвистнул Гришка:

– «Освободил»! Да он под Минском еще убитый.

Насупился Филиппка. В кулачки собрались ручонки. На Гришку волчком смотрит. Какой убитый! Скажет же этот Гришка!

– Освободил! Освободил! – вновь закричал Филиппка.

Проходил здесь старик Тимофей Данилыч. Бросился мальчик к деду. Торопится, про отца, про Гришку ему рассказывает.

– Правда, папка побил фашистов?

Посмотрел дед на Филиппку, вспомнил про Минск, где грудью стал на пути у фашистов Филиппкин отец, другие места, где другие бойцы грудью, как камнем, стали.

– Правда, – сказал Тимофей Данилыч. Прижал он к себе Филиппку. – Без него, без отца твоего, не было бы нашей, сынок, победы.

Побежал по селу мальчишка:

– Папка принес победу! Папка принес победу!

Кто же скажет: не прав Филиппка?

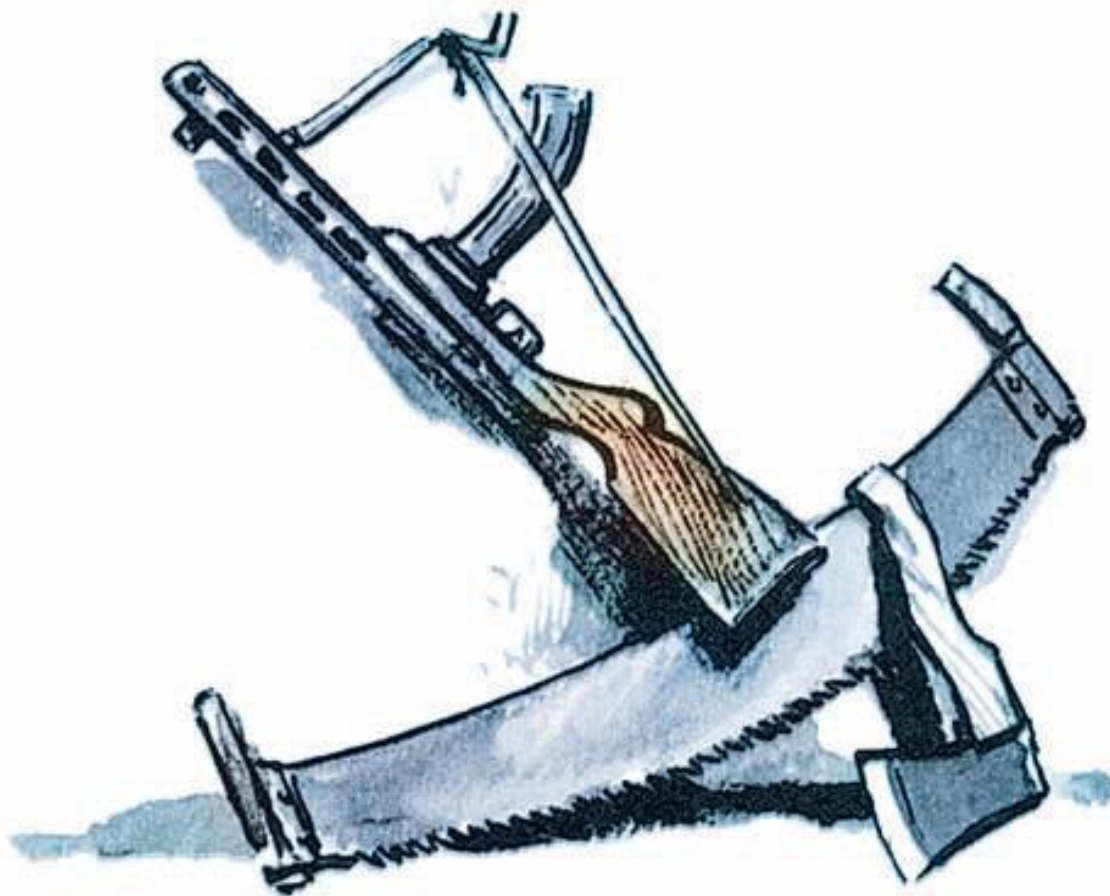
Не каждому выпало в той грозной войне дожить до великого Дня Победы. Но каждый, кто бился тогда с врагом – под Брестом, под Минском, под Ленинградом, Одессой, под Севастополем, Киевом, Смоленском, Вязьмой, по всем просторам земли советской, – был частью великой Победы нашей. Каждый – живой и мертвый.

Верно кричал Филиппка. Вырастет мальчик, по праву скажет: «Папка Родине нашей принес победу. Папка Родину нашу от рабства спас».

Слава вам, наши отцы и деды! Сыновний поклон героям!

Активный отдых

Наступала стрелковая рота. Шагала, шагала она на запад. Устали бойцы от боев, от военного грома. Дали солдатам отдых.

Расположилась рота в селе над Гжатью. Спит подо льдом, под снегами Гжать. Тишь сковала сейчас округу. Отгремели кругом бои. Явились солдаты в село под вечер. Разместились в уцелевших от боя избах. Уснули, как в детстве, блаженным сном.

Только уснули:

– Тревога! Тревога!

Гремит:

– Подъем!

Поднялись в момент солдаты. Полушубки – на плечи, винтовки – в руки. Снова в строю солдаты.

Оказалось, из наших тылов к своим долиной Гжати прорывалась какая-то часть фашистская. Вступили солдаты в бой. Окружили, разбили они фашистов.

Вернулись солдаты к покою, к избам.

Утром проснулись, прошли по улице. В деревне лишь треть домов. Лизнула деревню война огнем. Уходя, спалили две трети домов фашисты. Трубы торчат и печи.

В землянках, в ямах, чуть ли не в норах живут погорельцы. Смотрят солдаты на трубы, на печи, на ямы, норы. Кто-то сказал несмело:

– А ну-ка, братва, поможем!

Закипела кругом работа. Топоры, как дятел, носами в бревна. Пилы бульдогом вцепились в сосны.

Из пепла, из снега поднялись избы. Трубы, как стражи, венчают крыши.

Завершили солдаты в селе работу. Осмотрели теперь округу. Вышли к замерзшей Гжати. Сваи торчат из Гжати. Был здесь недавно мост.

Посмотрели солдаты на лед, на сваи:

– А ну-ка, братва, наладим!

Закипела опять работа. День не прошел, как снова доски легли над Гжатыю, перила схватились за оба берега.

Закончили мост солдаты. Снова идут округой. Смотрят – на взгорке школа. Вернее, то, что осталось теперь от школы.

Посмотрели солдаты на битый камень. Кто-то сказал несмело:

– А ну-ка, братва, докажем!

Закипела и здесь работа. Лихи солдаты в труде, в работе. Много умельцев в стрелковой роте. Снова школа на прежнем месте. Снова наряжен взгорок.

Довольны солдаты. Идут в деревню. Пришли в деревню. Гремит команда:

– Стройся! Стройся! Закончен отдых!

Повзводно стала в шеренгу рота.

– Смирно! Налево! Песню!

Шагнула стрелковая рота. Взвилась над ротой песня. Зашагали солдаты в свою дивизию.

Явились они в дивизию. Генералу доклад о роте:

– Прибыла с отдыха рота.

– Как отдыхалось?

– Полный во всем порядок.

– А точнее?

Узнал генерал про бой с фашистами, про мост, про дома, про школу. Посмотрел генерал на солдат, на роту:

– Благодарю. Ну что ж, активный, выходит, отдых.

Али-Баба

В одной из наступавших советских стрелковых дивизий сражался солдат Захаркин. Был раньше Захаркин цирковым актером – иллюзионистом, фокусником. Прознали об этом солдаты. Полезли к нему с вопросами:

- Что же ты можешь? Карты отгадывать можешь? – Могу.
- Ленты вытаскивать изо рта?
- Могу.
- Вынимать из пустого цилиндра живого голубя? – Могу, – отвечает Захаркин.
- Шпагу глотать?
- Умею.

Гадали солдаты, что бы еще придумать. И вот какой-то шутник нашелся.

- А можешь так, чтобы фашисты из собственных пушек по своим же войскам ударили?
- Надо подумать, – сказал Захаркин.
- Думай, думай! – смеются солдаты.

Довольны солдаты – озадачили, выходит, они Захаркина. Да разве такое кто-нибудь сможет! Даже хотя бы старик Хоттабыч, хотя бы сказочный Али-Баба!

Прошел день, прошло два. Еще день после этих двух.

– Ну как? – полезли солдаты опять к Захаркину. – Сможешь ли так, чтобы фашисты из собственных пушек по своим же войскам стреляли?

– Смогу, – заявил Захаркин.

Сошли усмешки с солдатских лиц. На Захаркина недоверчиво, косо смотрят.

– Смогу, – повторил Захаркин.

Отступают фашисты, отходят, однако чуть что – огрызаются.

В это время как раз на наши позиции начался налет фашистской авиации.

Прижались солдаты к земле. Укрылись в блиндажах и окопах. О Захаркине думают: «Эка ж шутник Захаркин».

Отбомбили, ушли фашистские самолеты.

– Ну что ж, смотрите, – сказал Захаркин.

Взял он ракетницу, что-то непонятное пошептал. Выстрелил трижды в сторону фашистских позиций. Опять зашептал.

И вдруг завывала, заиграла фашистская артиллерия. Бьют, словно взбесившись, орудия по своим.

Остолбенели солдаты, опешили. То на Захаркина смотрят, то в сторону вражеских позиций, где рвутся снаряды, кроша фашистов.

Отстреляла фашистская артиллерия. Не верят солдаты произошедшему:

– Может, привиделось!

– Может, обман, гипноз!

Кто-то сказал:

– Оно бы пойти проверить.

Вызвались смельчаки. Поползли к переднему краю, к фашистским окопам. Вскоре вернулись.

– Взаправду, – кричат, – взаправду лупили фашисты! На побитом лежит побитый!

Вот так дела!

Смотрят солдаты на Захаркина, как на чудо.

Смеется Захаркин.

Не мучил долго бойцов Захаркин. Постоял, помолчал, насладился эффектом. А затем объяснил солдатам, в чем дело.

Оказалось, все эти три дня Захаркин зорко следил за фашистами. Приметил он, что в обстреле советских позиций у гитлеровцев был один и тот же порядок, один и тот же шаблон. Вначале бомбила наши позиции авиация. Затем в воздух взлетали ракеты. Ракеты и указывали фашистским артиллеристам, в какую сторону стрелять артиллерии.

Запомнил Захаркин, какими цветами ракет давали фашисты сигнал. Вот и использовал теперь этот сигнал – выстрелил ракетами того же цвета в сторону фашистских позиций.

За наблюдательность и находчивость рядовой Захаркин был награжден медалью.

Довольны солдаты:

– Ай да старик Хоттабыч! Ай да Али-Баба!

Часть

Рядовой Евстегнюк фашиста поймал на палец. Как карась на крючок, фашистский солдат на палец к бойцу попался. Вот как случилось это.

Зима. Наступали наши. Был Евстегнюк в разведке. В разведке не в первый раз. Задание важное – нужно добыть «языка», то есть схватить кого-нибудь из фашистских солдат и невредимым доставить в часть.

Вышел солдат в разведку. Пересек незаметно передний край, перешел через линию фронта, оказался в «гостях» у фашистов.

Вечер. Зимний. Ранний. Река Протва. Прорубь в Протве. Тропа. Ходят по этой тропе за водой фашисты. Тут у тропы и засел солдат. Поджидает боец добычу.

Только осторожны на редкость стали сейчас фашисты. Нет бы бежать к воде в одиночку. Ходят к воде с охраной.

Наблюдает за ними советский разведчик. Вот шагает один с ведром, следом другой – с автоматом. Вот трое прошли. Один с ведром, двое других с автоматами. Вот снова трое – один с ведром, с ручным пулеметом двое.

Таких не возьмешь без шума.

Сидит Евстегнюк, выжидает. Час просидел, на исходе второй. Продрог Евстегнюк, промерз. Коченеют спина и руки. Однако сидит выжидает. Знает: лишь упорных удача ждет.

Дождлся разведчик своей минуты.

Видит – на тропе появился смелый. Без охраны бежит фашист. Перебирает ногами, торопится. Вот добежал до проруби. Зачерпнул фашист воду. Бежит назад. Тут и вырос перед ним Евстегнюк. Пытался схватить за горло, чтобы пикнуть солдат не мог. Да, видать, в темноте Евстегнюк промахнулся. Двинул в этот момент головой фашист. Рот приоткрыл для крика. И вот угодил Евстегнюк гитлеровскому солдату пальцем прямо в открытый рот. Угодил, и в ту же секунду фашистский рот, как капкан, захлопнулся. У фашиста от страха случился шок.

Сжались зубы, назад ни с места. Мертвой хваткой схватили палец. Что же тут делать? Так и повел через линию фронта советский разведчик фашиста в плен.

Прибыл разведчик в часть. Видят его солдаты. Не сразу поймут, в чем дело.

– Глянь, глянь – Евстегнюк за губу волочит фашиста!

И верно, издали кажется, что разведчик ведет за губу солдата.

Узнав, в чем дело, смеялись до слез солдаты:

– Евстегнюк карася поймал!

– Сом на крючок попался!

Пытались солдаты челюсти разжать у фашиста. Старались и так и этак.

– Щипом, щекоткой его возьми!

– Штыком надави!

– Дерни за нос, за ухо!

Бьются солдаты. Не растянут упрямые челюсти. Хоть волокни домкрат.

Стоит Евстегнюк под обстрелом смешков солдатских. Ситуация – глупее не может быть.

Рука с зажатым пальцем, как назло, у солдата правая. И честь не отдашь начальству. А вдруг как тревога! А вдруг как бой! Будь ты проклят, «язык» фашистский!

Кончилось тем, что повели к врачам в медсанбат солдата. Тут и разжали фашисту пасть.

Довольны солдаты:

– Ура! Разжали!

Нашелся один смекалистый:

– Не эта важна. Не эта. Занеслись на Москву фашисты. Вот какую разжали пасть!

«Какой род войск сражается?»

Наступают советские войска. Бьют фашистов с востока, с севера, с юга. Несокрушимо идут вперед.

Приехал как-то командующий Западным фронтом генерал армии Жуков вместе со штабными офицерами к переднему краю боя. Смотрит, как наступают войска, любуется.

– Молодцы, молодцы! – приговаривает.

Смотрел-смотрел и вдруг к офицерам, стоявшим рядом:

– Какой род войск сражается?

В это время с криком «ура!» как раз устремилась вперед пехота.

– Пехота, – ответили офицеры, – товарищ командующий. Пехота – матушка полей.

– Верно, верно, пехота, – соглашается Жуков.

Постоял-постоял и снова:

– Так какой же род войск дерется?

Переглянулись офицеры. Разве неверно они ответили?

В это время как раз усилила огонь артиллерия. Хорошо, отлично стреляют советские пушки. Нет фашистам от них пощады. А вот и «катюши» послали залп. Метнули металл и пламя. Сровняли с землей фашистов.

Повернулся Жуков к офицерам, ждет, что ответят ему.

– Артиллерия, товарищ командующий! – крикнули офицеры. – Артиллерия – бог войны.

– Верно, верно, артиллерия, – соглашается Жуков.

Продолжает следить за боем.

– Эх, молодцы, эх, молодцы! – И снова к офицерам с тем же вопросом: – Так какой же род войск дерется?

Пожали офицеры плечами. Как же понять командующего? Разве ошиблись они в ответе? Видят офицеры – ждет генерал ответа.

Загрохотали в это время советские танки. Железным потоком пошли вперед.

– Танки, товарищ командующий! Танки! – крикнули офицеры.

– Верно, танки, – соглашается Жуков. – Орлы, молодцы танкисты!

Любуется сокрушительным натиском генерал. Постоял-постоял и снова:

– Так какие войска сражаются?

Стоят офицеры в недоумении. Притихли, не рвутся вперед с ответом.

В это время как раз начали атаку советские самолеты. Ухнули молотом бомбы. Земля устремилась к небу.

– Ну, ну? – ожидает ответа Жуков.

– Авиация, – кто-то сказал несмело. – Авиация, товарищ командующий. Наши воздушные соколы.

– Верно, – соглашается Жуков. – Слава советским соколам! – Наклонился к своим офицерам и тихо: – Так какой же род войск дерется?

Сбились с толку совсем офицеры. Не знают, что и ответить.

Выждал минуту Жуков. Показал рукой на штурмующих.

– Непобедимый, – сказал, улыбаясь, Жуков.

Победным шагом идут войска. Давят они фашистов.

11 тысяч населенных пунктов освободили советские войска в боях под Москвой. Разгромили 38 фашистских дивизий.

Во всей Европе не было силы, которая могла бы нанести поражение гитлеровцам. И вот оказалась такая сила – наши солдаты. На 100, а во многих местах и на 250 километров отогнали от Москвы наши войска захватчиков. Великая битва под Москвой закончилась сокрушительным разгромом фашистов.

Стоит Жуков, смотрит, как наступают войска. Любуется.

– Так какой же род войск сражается? – переспросил командующий у офицеров.

– Непобедимый! – ответили дружно ему офицеры.

